

ИЗЪЯН

Анна Инк

Анна Инк

Изъян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432617

ISBN 9785448532900

Аннотация

Мужчина ничтожен. В Городе значение имеют только женщины, их успехи в карьере и их эмоции. Кира – представительница элиты. Она отправляется в Город, чтобы выяснить, почему женщины стали пропадать без вести. Чем больше она погружается в жизнь формации, где царят рациональность и мизандрия, тем больше сомнений у неё возникает. Может, её жизнь только кажется идеальной? И те, кому всегда доверяла, в действительности опасны. Что на самом деле случилось с её сестрой? И может... мужчины – тоже люди?

Содержание

Пролог	5
1. Город	7
2. Отражаются звёзды	28
3. Моё сообщество	55
4. Ц – Целомудрие	68
5. Она мне доверяет	91
6. Синее смещение	108
7. Э – Эмансипация	126
8. Аполло моей мечты	144
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Изъян

Анна Инк

© Анна Инк, 2017

ISBN 978-5-4485-3290-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Что я подумала, когда увидела Инга в первый раз? Для начала я обратила внимание на его улыбку. Мужчинам в Городе не свойственно улыбаться, оголяя зубы. Антропологами давно было признано, что улыбка есть не что иное как оскал, демонстрация агрессии, необходимой в условиях соперничества. Соперничество – прерогатива женщин, а особям второго пола не с кем и не за что бороться; мужчинам из общества цэрпер нечего достигать. Обворожительная улыбка, обнажающая белые ровные зубы, с растянутыми и приподнятыми уголками губ, в совокупности с прищуренными глазами, с едва заметными морщинками чуть ниже переносицы... его улыбка – это атрибут мужчины из класса доноров. И когда Инг шёл мне навстречу по коридору корпорации, я подумала, что он – очередной кандидат на звание «Аполлон 2113», которого пригласили на съёмки.

Сколько шагов он сделал прежде, чем я перевела взгляд с его губ на глаза? Я могу вспомнить: его голова едва заметно поднималась и опускалась в такт движениям – пять раз. Именно столько нажатий необходимо для массажа сердца прежде, чем втолкнуть воздух в человека. Я утопала в этих секундах как в кубометрах прохладной воды моего домашнего бассейна; я отчётливо помню, как мои ступни, обе, коснулись пола. Я остановилась. Я смотрела на его губы, стоя

посередь коридора, не дыша. И я подняла глаза, и мы встретились взглядами. И тогда я сделала свой первый вдох.

1. Город

«Мизандрия = Вырождение» – читаю на куске бумаги.

Разгибаюсь. Давлю каблуком агитационную листовку. Да их здесь тысячи. Уродливые изломы старого ясеня как рогатки, из которых фальшивый ветер стреляет написанными от руки словами.

До встречи час. Я покидаю парк Целомудрия. Директивы. Поток людей, всунутый меж металлических отбойников, винт-подъём, секунды, выход. Я на центральной площади, над которой нависает самое высокое здание в нашем анклавe – стеклянный «Витрум» в 250 этажей. Его строгие контуры настолько перенасыщены диодными лампочками стального цвета, что вокруг здания образуется ореол: сам воздух вдоль стен (стерильный, как в барокамере) становится плотным от этого света, и масштабы небоскрёба кажутся фантастически громадными.

Вдоль фонтана ряд особей второго пола. Они замерли, как чёрные истуканы. В их руках эргосумы с широкими экранами. Они держат их кривыми пальцами на уровне грудной клетки. В каждом экране фотография. И подписи.

Диана 8дробь62 – пропала без вести

Илга 6дробь65 – пропала без вести

Саша 8дробь82 – пропала без вести

Лит 2дробь59 – пропала без вести

ТитаЗдробь98 – пропала без вести

Зоповцы охраняют живые стенды. Их идея. Нагоняют панику.

Зал Центра Культуры уже полон. Полина машет мне рукой. У нас неудачное место: крайний ряд слева от подиума. Но Полина счастлива, ведь на этот показ может попасть не любая – вокруг главного дизайнера Элеоноры сейчас настоящий ажиотаж. А я бы опоздала, если бы встреча состоялась вовремя.

35 дней в Городе. Дома сейчас вечер, всё в золоте от солнца. Прячу циферблат часов, натягивая до пальцев рукава водолазки. Напротив меня надпись «150 лет эмансипации». Она сочтется холодным неоном.

– Почему именно к Элеоноре столько внимания? – я в ожидании смотрю на Полину. – Что такого особенного она сделала?

– Как же? – моя инсоба отвечает мне удивлённым взглядом. – Она очень разносторонняя личность! Она работала на телевидении, в театре, занималась фотографией. Сейчас вот дизайнером стала. Тем более она не так давно начала делать карьеру – она ведь работала в инкубаторах. Бывшая суррогатная мать. Кто бы мог подумать, что женщина способна так резко изменить к лучшему свою жизнь?

– Да, но что в этом особенного? Многим суррогаткам удаётся достичь успехов и в других сферах.

– Ну, удаётся то удаётся, только вот за четыре года пройти

пять карьерных лестниц – это, согласишься, фантастика.

– Пять?!

Полина кивает с такой гордой улыбкой, будто речь идёт о ней самой:

– И во всех профессиях достигла пика, ни откуда не ушла просто так. – И продолжает взхлёб: – Элеонора к своим сорока трём годам выносила и воспитала больше десятка детей. Суррогатное материнство было её единственной профессией, что, сама понимаешь, не престижно. Но вдруг она уходит из инкубаторского дела, и пожалуйста, – Полина показывает то ли на электронные плакаты с эскизами нарядов, придуманных Элеонорой, то ли на переполненный зал, – самореализация и популярность.

– Значит, дело не в качестве её работы, а в том, что за минимальный срок она из неудачницы превратилась в успешную горожанку. И всем кажется, что если подражать её характеру, можно будет многого добиться.

– Если бы она некачественно выполняла свою работу, она бы не достигала пиков карьерных лестниц, тем более в такие короткие сроки, – возражает Полина. – Нет, правда. Она целеустремлённая, она быстро адаптируется... а если слухи подтвердятся, она станет одной из тех немногих цэрпер, которым удалось перейти в новый статус.

– Это куда? – хмыкаю я.

– Говорят, она собирается приобрести недвижимость за городом, – шепчет Полина.

В прорехе между полами занавеса на несколько секунд появляется одна из моделей показа, и снова исчезает за мягкой чёрной тканью. От её движения по шёлку пробегает дрожь.

– В качестве моделей она взяла девочек из коллектора, – шепчет Полина мне на ухо и с восхищением смотрит куда-то вдаль. – Какая же она молодец!

– Действительно, молодец – очень прагматично поступила, – продолжаю я спокойно, – взяла не стажёрок из театра, за которых надо платить, а использовала в качестве бесплатной рабочей силы маргиналок.

– Не называй их так! – обижается Полина. – Они не виноваты, что от них отказались матери. У вЫселов нет никакого понятия об ответственности. А многие девочки из найдёнышей становятся настоящими, достойными цэрперами.

«Най-дееё-ныши...» – ехидно передразнивает мой внутренний голос. – «Как ласково она про отродье вЫселов говорит. И с какой гордостью говорит о цэрперах. Столько бесконтрольных эмоций за три секунды! Они вообще не стараются!»

Нельзя всех по Полине равнять. В Городе большинство женщин очень сдержанны. В этом зале таких процентов девяносто: сидят с каменными лицами, ряд за рядом, словно ледяные статуи – и попробуй спровоцировать их хотя бы на мизерный эмоциональный выброс.

«И согласись, что мы можем ими гордиться! Я смотрю на них, эмансипированных, рациональных, целеустремлён-

ных, и я в восхищении!» – мой внутренний голос одаривает цэрперок снисходительными аплодисментами.

Действительно, женщины быстро адаптировались к новым условиям и научились зарабатывать немалый капитал на умении подвергать свои эмоции контролю. Я с пренебрежением смотрю на браслет «Пандора», который обязана носить каждая цэрперка, и я – пока я здесь. Этот браслет для них – всё. Его нельзя снимать никогда, потому что в любую минуту ты можешь совершить эмоциональный выброс, который пополнит капитал. Мы такие браслеты не носим, для нас существует другой подсчёт, и другие украшения. Я вспоминаю наши браслеты, изящные, с небольшим количеством драгоценных камней, и я вспоминаю дом.

– Ты чего улыбаешься? – Полина ещё больше обижается.

– Нет, просто ты действительно веришь, что эти несчастные девочки смогут сегодня проявить себя. А ты посмотри на плакаты. Судя по эскизам, не будет видно не мимики, ни жестов в этом... этом... что это, я не знаю.

– Утюг, Кира. Раньше женщины с его помощью избавлялись от складок на одежде. Они гладили для себя, для своих детей, и даже... – Полина наклоняется ко мне и заговорщически шепчет: – ...и даже для своих мужчин.

– Я знаю, что такое утюг. И ещё, в отличие от тебя, знаю, что Элеонора – меркантильная эгоистка.

– Нет, ты серьёзно? – Полина вытягивает голову в плечи. – Молодые девочки, не имеющие, как и мужчины, права вы-

бора, могут почувствовать себя частью исторического события. Может у них в жизни больше и не произойдёт ничего интересного. Я считаю, что с её стороны это было... великодушно.

– Какой нам толк от великодушия? Нам нужна энергия, – бормочу я.

Полина поджимает губы:

– Для найдёнышей участвовать в таком мероприятии – шанс получить новые эмоции, это всё равно энергия для Города. Так что выгода есть – если рассматривать это с твоей суперрациональной точки зрения. Не понимаю, почему такой негатив к Элеоноре?

– Почему я считаю её лицемеркой? Она хочет побольше заработать, потому что собралась переходить к этапу «Родительство». А прикрывает всё это...

– Ты серьёзно? Элеонора? Человек, который только-только вырвался из инкубаторского болота, будет заводить собственных детей? Она не станет спускать все свои накопления на продолжение рода. К тому же ей всего сорок восемь... или у тебя есть достоверная информация?

Я наклоняюсь к её уху, утыкаюсь носом в гладкие волосы, пахнущие медью:

– Тогда зачем ей прицениваться к экземплярам во всем известном бутике?

– Ого-го...

Враньё, которое легко изобличить. Но пока она будет пе-

реваривать информацию, наш диалог замолкнет.

«Даже если ты скажешь ей правду, эта тупица ничего не поймёт» – мой внутренний голос хмыкает.

Я снова замираю на неоновой цифре, намекающей, что прошёл век и ещё полвека с тех пор, как опубликовали книгу «Загадка женственности». Говорят, что именно эта книга породила новую волну феминизма в Америке, когда в далёкие 50-е гг. XX века женщина оказалась на грани самовольного уничтожения себя как личности: при наличии образования она посвящала всю свою жизнь семье и домашнему быту. Тогда общим для всего мира оставалось одно: женщина всегда зависела от мужчины. Неважно, могла ли она обеспечить финансово себя, своих детей, того же мужчину – женщина всегда была неполноценна без второго пола. Вне зависимости от того, насколько этот второй пол был пригоден. И дело не в объективных фактах – это было культурной нормой. А теперь мужчина – всего лишь рудимент. Превосходство особи второго пола над женщиной в нашем Городе уничтожено. И пусть наш Город – единственный в мире, в котором это стало возможным в такой степени, но это лишь пока. Естественный процесс эволюции рано или поздно наведёт порядок на всей планете.

Подиум медленным темпом, в такт мелодичной музыке, набирает яркость освещения. Все места в зале заняты. Здесь нет ни одной особи второго пола; странно, что никто из элиты не взял в качестве сопровождения своего апол-

ло. Зато женщины здесь любого сорта: тринадцатилетние стажёрки, только-только осваивающие свою первую профессию, сорокалетние офисные работники, у которых за спиной уже по одной-две карьерных лестницы, шестидесятилетние, приступившие к стадии «Родительство», есть даже парочка восьмидесятилетних, которые выиграли какие-то места в конкурсе самых красивых садов и под охраной ЗОПа были вывезены с экоферм обратно в Город на мероприятие. Индивидуальность всех этих женщин выражается в количестве и содержании их карьерных лестниц, которые подвергнутся обсуждению на фуршете после показа, степень личностного развития будет проявляться через реакцию на то, что подготовила для зрителей Элеонора, а уровень капитала продемонстрирован через вот эти аксессуары, производством которых занимается спонсор показа.

– Спонсор показа – «Глоссата», – экран за подиумом вспыхнул бликом солнечного света, который даже в исполнении мастеров компьютерной анимации вызывает бурное восхищение горожан. Я до сих пор не привыкну, что большинство женщин, в обществе которых я вынуждена находиться в течение последнего месяца, никогда не видели солнца. Голос с экрана продолжает: – Наша команда работает по четыре квартала в сутки, чтобы обеспечить каждую женщину неповторимым, единственным в своём роде дринкстиком! – Девушка замирает над гигантской прозрачной бутылкой с длинным, изогнутым спиралью горлышком. На дне

расцветает молочный цветок лотоса, и девушка подносит к своим губам инкрустированную разноцветными камнями трубочку для питья. – Дринкстики Глоссата – заветная сладость из любого сосуда! – Трубочка превращается в тонкий, искрящийся хоботок, и ловко проскальзывает в горлышко бутылки, и достигает сердцевины цветка. Победная улыбка девушки на экране символизирует, что нектар добрался до её языка.

По подиуму идёт Элеонора. На ней классический костюм цэрперы. Чёрная водолазка из вискозы, с высоким горлом и открытыми руками – видны плечи, полные руки; запястья в браслетах, среди которых обязательный «Пандора», а на левой руке ещё и тяжёлые часы. На Элеоноре тонкие кожаные штаны, тоже чёрные. Сумка через плечо, удобные ботинки на небольшом каблуке. Её волосы свободно ложатся на плечи. Подходит к краю подиума. Ей хлопают громко. Она заразительно вздыхает полной грудью. Расплывается в улыбке. Несмотря на чёрные одежды она вся блестит: жемчужные зубы, сияющие глаза, украшения на руках, и серебряный ремень на бёдрах с кодовым замком. Такой ремень используют почти все цэрперы до сих пор. У каждой женщины свой индивидуальный номер, который знает только она. Это символ новой эпохи в жизни женщины – когда она, отказавшись от сексуальных контактов, вынуждена была любыми способами отгораживаться от вредной привычки. Первые такие ремни появились в 30-е гг. XXI века. Исследова-

ния тех лет показали, что для 73% женщин необходимость назвать код своего пояса мужчине, с которым она собиралась вступить в половой контакт, создавали временной вакуум, который позволял ей одуматься и не совершать коитус.

Элеонора говорит:

– В последние пять лет ситуация в нашем обществе неспокойная. Мы начали осознавать, что вырваться из замкнутого круга на практике гораздо труднее, чем гласит идеология. В чём наш смысл жизни? Освоение бесчисленных профессий, обустройство жилища, которое будет покинуто по завершении очередной карьерной лестницы, и угасающая с каждым днём надежда, что мы сможем достичь чего-то большего... надо только ещё немного постараться. Мы все знаем, каких усилий стоило женщине изничтожить стереотипы, притеснявшие её столетиями. Женщина заняла достойное место в обществе. Женщина позволила себе осознать, что она – базовый пол, и с точки зрения природы она не просто не хуже мужчины, она гораздо адаптивнее его... Однако... мы... нуждаемся во втором поле. Мы обязаны заботиться о мужчинах, пристальнее осуществлять отбор, быть избирательными, повторяю – избирательными, но не идеалистами. И что происходит сейчас? Мы продолжаем игнорировать генетический материал, который хранится в Банке, и копим Средства на донора. Мы отодвигаем этап обзаведения потомством далеко за границы пятидесяти лет. И большинство цэрпер не доживают до того возраста, когда их ре-

бёнок вступает на свою первую должность. И тогда долгожданная дочь переходит на попечение государства – наравне с детьми, брошенными вЫселами, и наравне с особями второго пола. И вы знаете, что случается с такими детьми... Мы должны воздействовать на тех, кто делает законы. Должны решить вопрос соответствия свода ОП реальности. Я считаю, что необходимо допускать биологических отцов к ответственности за ребёнка, – в зале раздаются возмущённые «ха» и испуганные «ах». Элеонора повышает голос: – Ведь наши доноры гораздо моложе нас, и могут выделять Средства для ребёнка в том случае, если биологическая мать уходит на пенсию или умирает, – Элеонора замолкает и внимательно разглядывает зал. Теперь она не встречает никакой реакции. – Но... мы не должны впадать в крайности. Давайте попробуем задуматься об этом... И в подтверждение своих убеждений, своей приверженности обществу свободных женщин, я представляю вам свой показ, на который меня вдохновил образ жизни женщин в пригородной Америке 50-х гг. XX века, описанный в известной книге «Загадка женственности». Смотрите, *что* были женщины тогда. Смотрите и помните.

Допустить мужчину к ответственности за ребёнка – да она совсем рехнулась!

На подиум выходит девушка в наряде бытового прибора. Её туловище представляет собой прямоугольник из серой парусины. На месте сосков и лобка чёрные круглые ры-

чаги, над пупком продолговатая серебристая ручка от духового шкафа, за прозрачной тканью которого истекает блёстками чучело общипанной курицы. Волосы модели вздыблены, покрыты серой краской, у основания шеи пухлое кольцо из шифона терракотового цвета. Модель держит эмалированные крышки от кастрюль в обеих руках, и по ходу движения изображает, будто поочерёдно бьёт себя ими по голове. Она спускается в зал, проходит мимо рядов, зрители провожают её до самого выхода, выворачивая шеи.

Теперь по подиуму идёт девушка, завёрнутая в гобеленовое покрывало. Она еле переставляет ноги, обёрнутые тяжёлыми цепями, и волочит за собой колёса, на которых выведено яркой краской «швейная машинка „Зингер“». Шея модели обмотана разноцветными нитками разной длины, которые вздрагивают, как только она делает очередной тяжёлый шаг. Её пальцы на руках растопырены, длинные красные ногти на них пронизаны иглками. Она поворачивается спиной. Я вижу, что волосы модели собраны в хвост у шеи, и перетянуты штопанным носком. На её ягодицах, обтянутых жёсткой тканью, красуется аляпистая заплатка.

Прежде, чем девушка успевает исчезнуть за краем занавеса, появляется следующая модель. Когда две девушки поравнялись, они быстро соприкоснулись ладонями, будто передавая друг другу эстафету. У новой модели образ пылесоса. Кусок блестящей жёлтой ткани на её туловище задрапирован в форме груши. Аналогично с одной из её предшественниц

на грудях и лобке имитация рычажков и кнопок. Рот модели широко распахнут, и её губы обхватывают чёрное круглое кольцо, от которого начинает свой ход шланг из чёрной гофрированной кожи: он обхватывает её за шею, кривой линией бежит по позвоночнику, путаясь в длинных блекло-коричневых волосах, проскальзывает между её ног и уходит туда, где пупок.

Я перевожу взгляд в зрительный зал. На лицах аудитории ужас и возмущение. Аффективность превалирует над рациональностью. Если бы Элеонора была из элиты, она за это представление получила бы увесистый объём Средств. А ведь провокация-то примитивнейшая.

В моей сумке подпрыгивает эргосум. Белый экран выдаёт напоминание: «Пора идти!».

– Мне нужно отлучиться, – я тронула Полину за плечо. Поймала её отрешённый, полный слёз взгляд. Мне даже немного жалко её. Она сейчас тратит впустую столько эмоций, которые могли бы стать психарами, принести ей капитал, а Городу – энергию.

Выхожу на улицу с произвольной мыслью, что сейчас смогу сделать глубокий вдох. Воздух в Городе – самое отвратное для меня. Купол герметично закупоривает всю эту локацию. Ни одна единица энергии, выработанная горожанами, не должна миновать интерференционные фильтры над моей головой. Я понимаю, что если бы не это изобретение, у нас не было бы ни электричества, ни независимости от дру-

гих государств, ни работы. Но солнечный свет и чистый кислород большинство цэрпер никогда не пробовали, и не успеют. И здесь, в центре Города, где самая высокая точка купола, работа кондиционеров, трубы которых тянутся под землёй от далёкой природы, почти бестолкова.

Снова идти по директивам. Мне не пришлось бы бегать туда-сюда, если бы Киль так бесстыже не опоздала на встречу.

Когда я впервые оказалась в Городе, я не знала, как пользоваться директивами. Только помнила о разных жутких историях, что если попасть во встречное движение – можно вообще погибнуть. Мой внутренний голос ругал меня, что я не поехала на электромобиле. А я хотела добраться пешком. Я хотела запомнить этот раз в Городе – не потому, что он был первым, а потому что в тот день я должна была купить себе аполло. И я стояла на краю Города. И как назло было пустынно. Только позади, у дороги, ведущей к стене купола, группа особей второго пола отмывали, ползая на четвереньках, бетонные отливы. Я несколько раз обернулась на них. Мужчина не смеет помогать женщине. Но один из них поднялся с колен и пошёл в мою сторону. Белый халат с капюшоном. Огромные пластиковые очки, перечёркивающие ободом брови. Звонкий голос, приглушённый маской. Он сказал:

– Восемь линий директив: четыре в одном направлении, и четыре в обратном. Вперёд всегда правая сторона от Вас.

Директива 1, неоновая – пешеходная дорога для цэрпер, директива 0, красная – для особей второго пола, директива 3, зелёная – велосипедная зона, директива 2, золотая – проезжая часть для электромобилей.

У парка тротуар, и он полупуст. Непрерывный вечер раскрашивает бутафорские деревья тусклым бронзовым цветом. Наблюдаю за красной директивой. Доноров в ней различить легко. В первую очередь по осанке – расправленные плечи, задранный подбородок, быстрый, уверенный шаг. Цэрперы второго пола так сутулятся, что занимают своей неуклюжей позой больше места, чем хотели бы. И их семенивший шаг, согнутые коленки, прижатые к туловищу локти – всё это мешает им двигаться быстрее. Маленькие мальчики выглядят совсем иначе. Пока воспитание их не переламывает, они активные, дерзкие, самонадеянные. Но они очень быстро взрослеют. Даже слишком. Они уже в три года понимают, какими должны казаться, чтобы получить лучшую жизнь.

– Пожалуйста, простите, – молодой человек, повернулся ко мне лицом и замер. Я не сразу поняла, что он задел меня, когда проходил мимо.

– Иди. Я ничего не почувствовала.

И он быстро удаляется от меня вдоль ограждения парка.

Убрать бы все места, где женщина и особь второго пола могут соприкоснуться.

Я достаю эргосум. Он автоматически определяет моё ме-

стоположение, и я отправляю «анонимку» в ЗОП: координаты 55.7463/37.5462, время 21.31, нарушение Статьи 1 ОП (категория «прикосновение»), мужчиной в возрасте от 22 до 25, рост 185—190, тёмные волосы.

Почему они настолько омерзительны? Как будто воспитание не просто лишает их мотивации достижения, а ко всему прочему выдёргивает из их дефективного тела позвоночник, и втискивает на его место аморфное нечто. Воспитание мужчины-цэрпера – это лоботомия характера. И как после этого можно говорить, что стоит подпускать этих ничтожеств к детям? Ведь большинство цэрперок вынуждены обращаться за некачественным генетическим материалом. Если бы я была цэрперкой, я предпочла бы остаться бездетной, чем покупать ген. мат. в Банке – лучше никогда не пережить этап «Родительство», чем получить из лона суррогатной матери дочь, похожую на одно из этих скрюченных существ в директиве 0.

У главного входа в парк стоит несколько сотрудников ЗОПа. Ворота почему-то закрыты.

– Санитарный день, – выдаёт один из охранников, приглаживая огромной ладонью свою профессиональную причёску «Платформа». Мужчина красивый, темноглазый, светло-русые волосы, треугольники верхней губы чётко очерчены – очень похож на меня. Мог бы стать хорошим донором. Жаль, что все зоповцы стерильны.

– Ага, – протягиваю я, засмотревшись на широкие плечи

зоповца. – Подождите. Как закрыт? Я была внутри меньше часа назад.

– Непредвиденные обстоятельства.

«Из-за листовок», – подсказывает мой внутренний голос. – «Пока они их все соберут...»

– До какого времени будет закрыт парк?

– До второго квартала суток завтрашнего дня.

Я разворачиваюсь и иду вдоль ограждения. И где мне теперь искать Киль? В сообщении было сказано, что если встреча не состоится до 21.45, переносим всё на другой раз. Но на моём браслете почти не осталось Средств.

«Мерзкие особи второго пола!» – ворчит мой внутренний голос. – «Если бы в парке установили камеры, никто не осмелился бы устроить там этот бардак!»

Этого они и добиваются. Зоповцы. Всё взять под свой контроль. Особи второго пола не могли добыть ручку и бумагу, они и пользоваться-то ими не умеют. Это дело рук ребят из ЗОПа. Они сделали листовки у вЫселов, и сами же их разбросали. Могли бы не устраивать спектакль, действовать открыто. То, что я сегодня видела на площади – гораздо хуже, но там свою причастность они не скрывали.

Нужно всё-таки попробовать добраться до памятника.

«Сейчас?!»

А когда ещё? Вдруг Киль там? Вот будет позор, если она смогла туда попасть, а я – нет, и из-за меня встреча сорвалась.

Я ещё раз оглядываюсь по сторонам. Здесь только тротуар разделяет парк и стадион «Спарта». Нет директив, и пустынно. Диагонали, создающие причудливый узор забора, служат мне ступенями. Немного усилий, и я на запретной сегодня территории.

В парке работает аварийное освещение. Оно ложится мутным красным отблеском на выпуклые конусы пластмассовых кустов. Очень тихо. Я включаю эргосум на режим паралича. Прохожу мимо искусственных елей, и следую к памятнику. Я уже вижу его впереди, потому что аллея идеально прямая. Дорожная поверхность гладкая, не скользкая. Когда парк работал, на дороге голограмма изображала накрываемую волнами густую изумрудную траву. Можно сказать, что это место даже красочнее, чем частные сады загорода.

«Уж чем твой-то точно!» – хрюкает мой внутренний голос.

Ничего-ничего. Скоро Себастьян станет моим аполло, и тогда мой сад будет самым лучшим в сообществе.

Надо мной возвышается фигура женщины, исполненная в разноцветном стекле. Её лицо кажется мне невыразительным. Женщина 20-х гг. ХХІ века не могла выглядеть так, как любая среднестатистическая цэрпера. Основательницы нового общества принадлежали старой формации, их жизнь была перенасыщена от свободы эмоций, и это отражалось на лице. Памятник посвящён Кристине, которая была одной из первых членов политической партии ЦЭРПЕРА и от-

вечала за пропаганду целомудрия. В её жизни было много мужчин, которые её разочаровали, и много ошибок, в которых она открыто признавалась. Сдержанные и холодные горожанки моего века очень похожи друг на друга – необходимость постоянного самоконтроля лишает их индивидуальности. Нет никаких сомнений, что автор скульптуры старался максимально приблизить облик Кристины к тому образу, который распространён среди цэрпер. Они должны думать, что их корни уходят гораздо глубже, чем есть в действительности.

Я в отчаянии огибаю памятник несколько раз – здесь никого нет. Моя рискованная вылазка была напрасной. На часах 21.41. Для порядка подожду ещё четыре минуты.

Сажусь на скамейку. Над моей головой нависают блистающие сталью иголки кустов боярышника. Среди них гроздь ягод – они кажутся такими мягкими, что я не выдерживаю и прикасаюсь к одной из них. На ощупь похоже на резину. Мерзость! Но цвет яркий, даже в таком мраке видно, что они насыщенного оранжевого цвета. Я пытаюсь вспомнить, какими должны быть сейчас ягоды на кустах боярышника в моём саду. Я вряд ли увижу их в этом году, они опадут до моего возвращения. Сейчас конец августа. А вернусь я, скорее всего, не раньше ноября. Сад уже будет стоять голым. Хотя... учитывая экологические катаклизмы, которые происходят у нас после строительства купола, я ничего не могу предсказать про природу. Говорят, что самые необычные

природные явления происходят в окрестностях Гиблого места: всего пара километров от купола на севере нашего анклава. Но ехать придётся мимо поселения Ы. Вот бы взглянуть на них...

– На кой тебе вЫселы?

Причём тут вЫселы? Я не про вЫселов, я про окрестности Гиблого места.

«Это не я...» – шепчет мой внутренний голос.

– Тихо... – шипит мужской голос.

– Срезай через пятый сектор, я по аллее!

Я бегу. Я даже не успела понять, что произошло, но я побежала.

«Зачем, дура?! Они всё равно тебя поймают!»

Это ЗОП?

Я поскальзываюсь на искусственном склоне и съезжаю в овраг. Вскикиваю и ползу вверх. Кажется, я выбрала самую крутую часть склона.

Что же мне делать?

Я беру правее. Совсем рядом с моим ухом пролетает что-то тяжёлое.

Это была рука? Нож?

«Ветка. Ты пролетела мимо ветки. И ударилась об неё щекой. Остановись!»

Ничего не чувствую...

– Вижу объект! – голос за моей спиной, шагах в десяти.

Если второй побежал по аллее, куда мне? Ещё вправо.

– В седьмом секторе преследуем объект! – голос другого мужчины, и я бегу прямо на него.

Налево.

«Остановись, это бессмысленно!»

Я вижу просвет за высокими треугольниками искусственных ёлок. Ограждение парка, а за ним проспект, залитый городским освещением.

У меня получилось!

Между двумя ёлками низкая арка, и я влетаю в неё. Из-под земли вырастает препятствие. Я почти успела остановиться. Впечатываюсь ладонями в холодную ткань.

Второе препятствие появляется сбоку. Его широкая фигура окончательно загораживает арку между деревьями. Я больше не вижу просветов в ограждении парка. Я в темноте. Меня поймали.

2. Отражаются звёзды

– Меня зовут Кира.

– Вы говорите это уже в третий раз. Сосредоточьтесь. Как

Вы сюда попали? – спрашивает заповец.

– Предоставьте Ваш эргосум, – требует другой.

«Не ври. Не договаривай», – настаивает мой внутренний голос.

– Я перелезла через ограждение. Вот, – я протягиваю заповцу свой эргосум.

– Зачем? – спрашивает один.

– Что Вы делали в окрестностях парка? – чеканит другой.

– Я что-то услышала.

– Что?

– Не знаю. Но мне показалось, что кому-то нужна помощь.

– Судя по Вашей профессии, Вы вряд ли способны чем-то помочь, – заповец смотрит на меня с ухмылкой.

– Я не знаю, почему я так поступила. Я услышала крик, – выдавливаю я.

Заповец смотрит на меня с сомнением и снова спрашивает:

– Что Вы делали в окрестностях парка?

– У меня тут встреча должна была состояться. По работе.

– Парк закрыт на санитарный день. Здесь сейчас никого не должно быть вообще.

– Я знаю. Я же подходила к вам, вы стояли у главного входа.

– Тогда по какой причине Вы нарушили правила и проникли на закрытую территорию, Кира?

– Вы же знаете, что с Вами за это будет? – поддакивает другой.

– Не знаю, – честно говорю я. – И, пожалуйста, опусти немного фонарь.

Я просто хочу разглядеть этого, особенно хамоватого. Мне хватит одной секунды. Опускает. Выцветшие серые глаза, три родинки на правой скуле, очень тонкие губы, верхняя серединой уходит к носу, одна горизонтальная морщина на лбу отчётливо выражена, другая, выше, только проступает. Я тебя запомнила. У тебя есть один нелепый нюанс: кудрявые волосы. И эти букли, которые ты изо дня в день пытаешься выпрямить и уложить в брутальную причёску «Платформа», предательски загибают свою линию.

– Бесконтрольное проникновение на закрытую территорию, – талдычит другой зоповец, – подразумевает, что Вы собирались нарушить ОП, поскольку санитарные дни объявляют для тех объектов, на которых произошли сбои в работе камер видеонаблюдения.

– Но здесь и в обычные дни, не санитарные, нет видеокамер, – пожимаю я плечами.

– Здесь всегда есть посетители, которые являются препятствием для нарушения ОП, поскольку могут стать очевидца-

ми. Мы имеем полное право забрать Вас в «Глас» для допроса и обыска, – сероглазый со всей дури сжимает мой локоть.

И тут я слышу крик. Я вздрагиваю. Но не от того, что кто-то кричит. Зовут *меня*. Я отчётливо слышала, как кричали моё имя. Это должна была быть Киль. Но это однозначно не она – меня звал мужской голос.

– Кира! – снова слышу я, и впадаю в животный ужас: зов доносится из-за искусственных елей за моей спиной, отдаётся эхом от низких кустов передо мной. Этот зов повсюду, и мне хочется бежать, но я не пойму, в какую сторону: от него или к нему.

Из-за куста вываливается человек. Он тяжело дышит, будто долго и быстро бежал. Выдыхает моё имя.

– Так-так-так, – ухмыляется мой охранник. – Цэрпера и мокль на закрытой для посещения территории. Кажется, я понял, какое нарушение ОП должно было здесь состояться.

«Нарушение Общепринятых Принципов, Статья 1 – влечение к особи второго пола», – будто поясняет мой внутренний голос, и нравоучительно добавляет: «Тебя обвинят в том, что ты хотела вступить в половой контакт».

Это подстава! Я не знаю, кто этот мужик!

– Что-что Вы говорите? – заповец пододвигается ко мне поближе и наклоняет голову – ну и высоченный же он. И каким мерзким взглядом он смотрит на меня – я про такой взгляд только в книгах читала. – Я не расслышал, что Вы там бормочете.

– Вы не говорили, что у Вас встреча с представителем другого пола, – говорит второй заповец, подходя к молодому человеку.

Я понятия не имею, кто это такой! Рост на голову выше меня, худощавая фигура, и красные блики аварийного освещения отражаются в его очках. Хотя... манера держаться знакомая... нет, не знакомая, странная – он стоит прямо, а мужчины-цэрперы всегда сутулятся. Наверное, он просто слишком напуган – вот и вытянулся как струна.

– Кира, извините, – обращается ко мне незнакомец, так, будто знает меня тысячу лет, – я не успел до Вас дозвониться и предупредить, что парк закрыт, и нужно дожидаться меня. Я сейчас всё объясню, – он роется в кармане толстовки. – Мы работаем вместе над видеофайлом для презентации мемуаров. Это очень срочный проект. Понимаете, я занимаюсь космосом, а Кира...

– Так, вот не надо мне этого! – раздражённо перебивает сероглазый. – Сейчас вас проводят в главный офис ЗОПа, там и разберёмся, кто чем *теперь* занимается.

Всё. Это конец. Молодого человека отправят на экофермы, где он всю жизнь будет копать грядки. А я... я, мать моя женщина, и глазом моргнуть не успею, как окажусь на цокольном этаже.

– Я уже набираю начальнице, – молодой человек поворачивает руку ладонью к нам, и блеск эргосума ослепляет меня. – Вы наверняка её знаете, это Елена, она руководит отде-

лом по производству мемуаров в компании «Итер». Не отвечает пока... Наш отдел плотно сотрудничает с ЗОПом. В моём эргосуме есть разрешение на безлимитное пребывание в Звёздном подземелье...

– Дай сюда! – зоповец выдирает у него эргосум, из которого внезапно раздаётся бодрый женский голос:

– Да, я слушаю.

Зоповец выключает громкую связь и отходит на несколько шагов, к своему коллеге.

Молодой человек стоит напротив меня. Капюшон его толстовки сбилсЯ вбок и топорщится на остром плече. Его очки переливаются красным, делают его взгляд непроницаемым. Но мне кажется, что сейчас я смотрю прямо ему в глаза. И интуитивно, через темноту, я ощущаю, что он смотрит в глаза мне. Да кто же ты такой?

Разговор закончен, и зоповцы начинают переговариваться:

– У него есть разрешение на пребывание здесь, если санитарные работы не касаются Звёздного подземелья.

– На данный момент *весь* парк должен быть закрыт.

– Елена говорит, что у него срочное задание, и требует невмешательства.

– А что насчёт... гетерогенности этой пары?

– Она подтвердила, что они работают над одним проектом.

– И что? Без надзора они тут могут чем угодно занимать-

сы, – это голос сероглазого.

– Забей. Мы судим по факту.

– Мы *о факте*... не узнаем – здесь нет ни камер, ни посетителей.

– Что ты привязался? Нам теперь со всеми цэрперами нянькаться? Я не суррогатная мамка. Тем более у них же есть культурные нормы.

– Ну-ну. А если через день-другой эта цэрпера тоже исчезнет – с кого трясти будут? Лично мне есть, что терять.

– Так, ладно. Заканчивай драму, – обрывает второй и идёт к нам. Сероглазый постоял с секунды две и тоже подошёл. – Вот ваши эргосумы. Идите, работайте.

– Я понимаю. Она испугалась, и поэтому побежала – подумал ты... – продолжает ныть сероглазый. Я тебя, сволочь, запомнила! И как только вернусь домой, поговорю с Альфой о тебе лично. – Но я думаю иначе. Конечно, сейчас это не имеет значения. Но оставлять их одних я не позволю. Обстановка в Городе беспокойная...

– Ты достал! Давай я за ними, а ты на главный вход.

Сероглазый снова замирает на несколько секунд. Потом едва заметно улыбается, и губы его растягиваются, заворачиваются в пасть, почти исчезают с лица. Он начинает движение от нас, и бросает напоследок:

– Только прислушивайся как следует. Когда надо, она и тихо сможет.

Ну тварюга!

– Нет, – шепчет молодой человек. Его рука бережно оги-
бает пространство вокруг меня, и он делает шаг, и теперь
часть его корпуса загораживает путь моему рывку. Я зами-
раю, не успев столкнуться с ним.

«Мне вот интересно, что ты собиралась сделать? Побить
зоповца?» – мой внутренний голос хрюкает от смешка.

– Вы идёте, или как? – второй зоповец уходит вперёд.

Я следую за ним. Молодой человек держится немного по-
зади меня. Останавливаемся у небольшого купола из крас-
ного стекла, высотой чуть ниже зоповца.

– Спасибо, что именно ты согласился проводить нас, –
благодарит молодой человек.

Он проходит вперёд и раздвигает створки купола. Исче-
зает под ним, и через несколько секунд из дверей вырастает
полоска белого света.

– Мы сегодня недолго, минут 20—25. У нас только подго-
товительный этап, – молодой человек наполовину вылез из-
под купола, опёрся локтями о землю. Рукава его белой тол-
стовки теперь облепляет чёрная крошка.

Я подхожу к куполу, и наблюдаю, как светлый затылок ис-
чезает в глубине. Видны только три верхние ступеньки лест-
ницы, и насколько далеко она уходит в темноту, я не пред-
ставляю. Зоповец разлёгся прямо на искусственной земле,
положил руки за голову, и, кажется, собрался задремать. Я
обращаюсь к нему:

– А ты... с нами не пойдёшь?

Он отвечает мне скептическим взглядом.

Я спускаюсь. Лестница абсолютно вертикальная, железная, с неудобными для стоп цилиндрическими ступенями, ледяная на ощупь. Молодой человек уже включил свет в нижнем помещении. Даже удивительно, что ступенек оказалось всего десять. И это они называют подземельем? Так, погребок.

– Почему на звёзды смотрят из-под земли? – спрашиваю я, озираясь. Нет, я ошиблась, помещение огромное. Вниз от помоста, на который я спустилась, идёт ещё одна лестница ступеней в пятьдесят. Сфера, которая возвышается над землёй, лишь небольшой пяточок самой высокой точки подземного купола.

– Экономия пространства, – отвечает мне молодой человек откуда-то сбоку. – Это развлечение не настолько эффективно, чтобы тратить на него драгоценные метры Города.

В помещении появляется странный шум.

– Я включаю кондиционеры. Сейчас станет легче дышать, – поясняет он.

– По-моему, дышать здесь и так гораздо легче, чем снаружи, – бормочу я.

– Здесь другая система вентиляции. По задумке это место – имитация прохладной ночи за городом в середине августа – приятное время для наблюдения за звёздами в наших широтах. Вы никогда здесь не были?

– Нет.

– Неудивительно. Космос давно стал архаикой. Никого не интересует, что происходит за пределами Города, что уж говорить про другие планеты.

– Я просто не вижу смысла наблюдать за звёздами в искусственных условиях. Это ведь всего лишь голограмма.

– Но ведь никакой другой возможности наблюдать за ними нет.

– Разумеется... нет.

Я успеваю различить несколько устройств в глубине помещения, и свет под куполом исчезает. Остаются только красные огоньки, подсвечивающие лестницу вниз. Молодой человек подходит к ней.

– Мы спустимся, и я включу имитацию звёздного неба, – говорит он. – Мне нужно кое-что записать, и мы вернёмся на поверхность. Вы же не против? У нас всё равно ещё есть двадцать минут. Вы можете остаться здесь, если хотите.

Не дождавшись ответа, он отправляется вниз. Я немного медлю, и всё же спускаюсь за ним.

Молодой человек возится с высоким шарообразным устройством в центре помещения, и на стенах появляются размытые блики. Постепенно они обретают строгую структуру, и я начинаю различать то, что в действительности похоже на ночное небо над моим домом.

– И часто тебе позволяют находиться здесь одному?

– Один я здесь ещё никогда не был.

Я подхожу чуть ближе, внимательно разглядываю моего

собеседника. Ему не больше двадцати пяти. И я точно его видела. Это был он, тогда, в коридоре корпорации.

– Это запрещено, – хмыкает молодой человек. – Включать систему для одной персоны – слишком большие энергозатраты для Города. Но раз уж ребята из ЗОПа не против, почему бы не воспользоваться возможностью?

«Кстати о ЗОПе...» – тянет мой внутренний голос.

– Скажи мне номер твоего счёта, – я достаю эргосум.

– Зачем?

Я поднимаю на него глаза и смотрю с удивлением:

– Я перечислю тебе Средства.

– Мне? За что? – он действительно не понимает, о чём я.

– Как? Ты мне помог. Надо только придумать, какое наименование платежа использовать. Сидела бы сейчас в ЗОПе до выяснения обстоятельств.

– Нечего Вам там делать.

– Это понятно. И всё-таки я хочу заплатить.

– Вам не за что платить.

– Ты обманул ЗОП, чтобы они меня не забрали. Ты мог спокойно уйти, услышав наш с ними диалог. Ты рисковал, причём совершенно безосновательно. Если бы твоя начальница тебя не прикрыла – как бы ты выкрутился?

– Я знаю, что Елена всегда меня прикроет. И ещё я знаю, как ЗОП относится к женщинам. Особенно к таким... как Вы. Вам нельзя оставаться с ними наедине.

– Это мои проблемы, – бормочу я. – И я хочу заплатить

тебе за помощь.

– Я помог Вам не для того, чтобы Вы мне за это заплатили, – я даже слышу обиду в его голосе.

Он смотрит на стену в звёздах, потом делает несколько шагов назад, как будто чем дальше он отойдёт, тем лучше разглядит эти золотистые точки. Он пытается сосредоточиться, но я вижу, что он расстроен. Он что, и вправду помог мне просто так?

– Так ты действительно занимаешься... космосом? – задаю я глупый вопрос, и убираю свой эргосум обратно в сумку.

– Да. И раз уж я здесь... – он вытаскивает из кармана... ручку? И пытается, по-видимому, найти в толстовке ещё и блокнот.

Я прищуриваюсь, моргаю, но запрещённые атрибуты никуда не пропадают.

– Что это? – задаю я ещё один глупый вопрос.

– Что? – молодой человек отрывается от блокнота, который он перелистывает пальцами той же руки, в которой держит его, ловит мой взгляд, следует за ним к пишущему устройству, принимается за письмо. – А, это. Ручка, – спокойно отвечает он.

– Я знаю, что это ручка, – шиплю я. – Откуда она у тебя?

– Один человек достал для меня.

– Это запрещено, – возмущаюсь я.

– Да, я знаю. Но мне так удобнее свои размышления фиксировать.

сировать.

– И ты так спокойно... а если кто-нибудь увидит?

Он поднимает на меня голову:

– И что я потеряю? Возможность наблюдать за звёздами на голограмме?

«Безумец!» – мой внутренний голос возмущается вслед за мной.

Молодой человек снова принимается за записи. Он как будто сравнивает расположение звезд на двух стенках по каким-то только ему видимым параметрам. Постепенно его взгляд опускается всё ниже, губы полуоткрыты, кажется, он даже нащёптывает что-то. Пропала его сдвоенная улыбка, которой он как будто извиняется за сам факт своего существования. Увлечённость ему к лицу.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Сравниваю созвездия Рака и Близнецов.

– Зачем?

– У меня задание по работе. Мы делаем мемуары для одной женщины из элиты.

– И причём тут звёзды? Она тоже астроном?

– Нет, конечно, – молодой человек широко улыбается. – Я ищу интересные метафоры для её биографии в той сфере, знаниями в которой обладаю. Она родилась в июне, за месяц до положенного срока: должна была быть Раком, а стала Близнецами. Это очень важно.

– Ага, – бормочу я. – А она знает, на что уходят её Сред-

ства?

– Моя начальница сама всё оплачивает по этому проекту.

– Интересно, с чего такие поблажки?

– Елена многим делает поблажки. А Аркадия была близка ей по некоторым взглядам.

– Была?

– К сожалению, она пропала, и не смогла воплотить в жизнь... свой... план, – молодой человек замолкает, и задумывается о чём-то, внимательно разглядывая голограмму. – Елена будет очень довольна, что я уже начал работу, но за ЗОП, мне, конечно, от неё попадёт.

Я несколько раз прогоняю про себя его фразу об Аркадии из элиты, которая пропала, и пытаюсь сформулировать вопрос, но он не получается. Если бы кто-то из элиты пропал, я бы точно об этом знала. Альфа сказала бы мне, что помимо пяти горожанок есть ещё и Зозо.

– Что значит – пропала? – вопрос всё-таки получился.

– Пропала без вести. Как и другие женщины. Только Аркадия исчезла не в Городе. Она поехала в поселение Ы. И после её больше никто не видел.

– Тут какая-то ошибка, – бормочу я.

– Нет, – молодой человек смотрит на меня серьёзно. – Аркадия 1дробь57, пропала без вести в апреле этого года.

– Ты уверен, что эта Аркадия – из элиты? Что ты понимаешь под элитой?

Молодой человек бросает на меня удивлённый взгляд,

и снова возвращается к своим записям.

– Аркадия жила загородом – разве это не единственный критерий... элитства? – хмыкает он.

– Так, ладно, – бормочу я, прижимая ледяную ладонь ко лбу. – Если она пропала без вести, почему вы решили делать про неё мемуары? Я имею в виду, не рано ли? Может, она ещё вернётся? Ведь тело не нашли?

– Ну... – тянет молодой человек, уткнувшись в голограмму, – прошло уже почти полгода. К тому же я уверен, что обратно её никто не ждёт. Её деятельность вряд ли нравилась элите. Я бы даже сказал так – элите было бы очень удобно, если бы Аркадия исчезла.

– На что ты намекаешь? У Зозо очень тесное сообщество, высокий уровень доверия, и честность как основной принцип. Если бы Аркадия стала двигаться не в том направлении...

– Вы плохо знакомы с представительницами элиты, – хмыкает молодой человек.

– Да?

– Аркадию никто не ищет. Мало кто вообще знает, что она пропала – вот Вам и тесное сообщество.

– С чего ты это взял?

– Со слов моей начальницы, которая, как Вы понимаете, сама из элиты.

– Просто не хотели афишировать, – пожимаю я плечами. – Ты сказал, что Аркадия пропала в поселении. Наверняка её

убили ВЫселы. Мог просто произойти несчастный случай. Там много опасностей.

– Опасностей там не больше, чем в Городе.

– Ну конечно! Без зоповцев там шагу нельзя ступить.

– Что же может случиться? – он будто издевается надо мной.

– Да всё, что угодно! Агрессивные люди, заброшенные и недостроенные помещения.

– У Вас стереотипное мнение про поселение Ы.

– Я знаю, что там опасно. По фактам. Например, каждый год в поселении гибнут от пяти до десяти человек, в том числе дети, из-за того, что, согласно мифу, с водонапорной башни на холме можно услышать море.

Молодой человек криво усмехается и отворачивается:

– Это бред.

– Это статистика, – возмущаюсь я. – Я читала об этом несколько лет назад.

– Во-первых, Аркадия в свои пятьдесят шесть лет не полезла бы на водонапорную башню. А во-вторых, погибнуть от падения с этой башни невозможно – скобы срезали в восемьдесят седьмом, после того, как оттуда сорвался и раскроил себе череп ребёнок *второго пола* – а в поселении Ы особей второго пола ценят.

– Как так?

– Да, ВЫселы никогда не отказываются от мальчиков...

– Нет, я не про это. Про башню.

– Слушайте, что Вы привязались к этой башне? В поселении живут обычные люди, в обычных домах. Да, там грязно – в отличие от Города. Но по сравнению с Городом и в загородных особняках элиты грязно, знаете ли. Да, в поселении не такой уровень медицины, и работают люди на результат, а не для того, чтобы испытывать и подавлять эмоции. Но эти люди гораздо счастливее нас, уж поверьте мне. И убивать женщину они не стали бы, а если бы с ней что-то произошло на их территории – они сами бы сообщили. Так что перестаньте всё валить на вЫселов.

– Ты считаешь, что в исчезновении Аркадии виновно её собственное сообщество?

– Подождите буквально минутку, я очень занят. Сейчас я закончу, и мы снова поговорим, – он не отрывается от записей.

От такой дерзости я теряю дар речи. Мы совсем не знаем особой второй пола, которые живут в Городе, и не настолько хорошо контролируем их, как думали. У этого мальчика есть запрещённые предметы, которые получены им из поселения Ы. Горожане ведь не могут взаимодействовать с вЫселами. Либо... этот мальчик тоже выдаёт себя за кого-то другого.

– На самом деле, я не такой смелый, каким хотел показаться, – молодой человек делает шаг ко мне, и убирает в карман блокнот с ручкой. – У меня сегодня просто день странный. Вы же знаете, что в экстремальных ситуациях человек со слабым темпераментом становится сильным, – он по-

жимает плечами, снова скромно улыбается, и добавляет: – и vice versa.

Молодой человек смотрит на меня внимательно, в его глазах смешинка, я даже через стёкла очков это вижу. Он всё смотрит на меня, и его улыбка снова обнажает зубы. Я первая отвожу взгляд, смотрю на нарисованные звёзды. Сияющие, разно размерные точки утопают в темноте, эта темнота между ними – пустоты, которые я пытаюсь представить в объёме и в действительных масштабах.

– Тебя не угнетает эта картина? — я киваю на голограмму.

– Нет, наоборот. Воодушевляет, если можно так выразиться.

– Странно, – я пожимаю плечами. – Они так далеко находятся друг от друга, каждая отдельная звезда. Ты ведь наверняка проводишь параллели между нашим миром и космическим? – он кивает с заинтересованной улыбкой. – И наверняка представляешь, какие расстояния отделяют одну звезду от другой на самом деле. И сравниваешь со звёздами людей, или людей с нашей планетой, а звёзды с их мечтами, или что-то в этом роде? – он отрицательно мотает головой и опускает глаза, снова поднимает их на меня. Я удивляюсь: – Очень странно. Я бы в таком ключе использовала знания по астрономии. Никому неинтересно, сколько звёзд в созвездии, зато какая-нибудь метафора о недостижимости пришлась бы по вкусу любой горожанке. Или форма созвездия – тоже много вариаций для метафор.

– Нет, Вы сильно заблуждаетесь. Во-первых, Вы смотрите на созвездие как на схему в определённой локации, а на самом деле это даже не область неба, это диапазон направлений. То, что Вы видите в данном конкретном диапазоне невооружённым глазом, в миллионы раз скуднее, чем есть на самом деле. Их невозможно сосчитать – звёзды в созвездии, звёзды вообще: какие-то Вы не видите, другие исчезают – как люди в Городе. А когда меняешь угол зрения, вообще всё по-другому. То, что прежде было очевидным, теперь загорается каким-нибудь объектом, то, что было скрыто – обнаруживается. Всё ведь относительно, – он пожимает плечами. – Людей в Городе, например, тоже нельзя пересчитать, как и звёзды. Это во-первых. А во-вторых: в космосе много кратных систем – это к вопросу об отдалённости друг от друга. Вы себе даже не представляете, какое богатство взаимодействий там можно встретить. По сравнению с этим человеческая жизнь, особенно в условиях современного Города, окажется пресной.

– Я не согласна, что людей в Городе нельзя пересчитать. Камеры фиксируют, кто покидает Город, а кто прибывает в него.

– И что? У Вас будут голые цифры. А Вы ведь считаете людей не для цифр, а для формирования мнения о них.

Его слова повергают меня в ужас. Я экстраполировала его замечание на свою работу: я должна предоставить Альфе цифры, которые отразят настроение большинства жителей

в Городе – но настроения действительно могут оказаться переменчивыми. Как я не подумала об этом раньше?

– Я просто привела пример, который казался мне самым метким, – пожимаю я плечом.

– А он же Вас и опровергнул, – хмыкнул молодой человек. – Сами люди постоянно меняются. Когда Вы совершаете подсчёт, Вы преследуете определённые цели. Ищете качество. Например, (самое примитивное) хотите узнать плотность населения, но как только человек достигнет пика карьерной лестницы, он переезжает в другую часть Города, а предугадать, когда этот пик будет достигнут – невозможно. Или...

– Хватит, я поняла. Если всё настолько динамично, тогда вообще не имеет смысла что-то исследовать.

– Возможно.

– Особенно твои звёзды.

– Кира, а кто Вы по знаку зодиака? – вдруг спрашивает он, взглянув на часы. – У нас есть ещё несколько минут, и я могу провести Вам маленькую экскурсию.

– О, нет. Если у меня будет желание, я воспользуюсь услугами профессионального экскурсовода.

– Он не расскажет Вам того, что могу я. Кто Вы?

– Не все разделяют теорию о том, что на данном этапе уместно говорить о связи даты рождения и особенностей личности. И я не разделяю в том числе. Раньше можно было списать всё на климатические условия, а теперь, когда инди-

вид рождается под куполом, где температура и характер воздуха одинаковы в любое время года и суток...

– Есть влияния, для которых купол не является преградой. Странно, что Вы не согласны с объективными фактами.

– С объективными фактами? – возмущаюсь я. – Планировать свой день на основе гороскопа – безрассудная трата времени и эмоций. Просто у цэрперок это сейчас очень модно... Мы ведь все очень разные. И то, с чем согласно большинство, ещё не обязательно должно подходить мне.

– Вы просто не разбираетесь в астрологии.

Я раздражённо выдыхаю:

– Астрология противоречит принципу рациональности. И астрономия твоя, кстати, тоже. Мы нашли бесконечный источник энергии здесь, на нашей планете, в самих себе. И вместо того, чтобы нарисованные художником по спецэффектам точки на голограмме разглядывать, лучше бы все силы тратили на улучшение работы купола, под которым мы живём.

– Скорпион, – заключает молодой человек.

– Чего?

– Между прочим, исследования по взаимосвязи характера и даты рождения проводятся до сих пор. Их уже больше тысячи, – он снова достаёт блокнот с ручкой; она падает, пока он листает страницы. Он поднимает её, захватывает зубами, обнажая продолговатые белые клыки. Продолжая листать исписанные страницы, бормочет: – Где же... где же... –

и совсем тихо шепчет: – Ты не можешь быть Скорпионом, слишком просто.

– У тебя отвратительный почерк, – отмечаю я. – И не смей мне тыкать.

– Издеваешься? Я научился письму меньше чем полгода назад, сам.

– Ты меня вообще не слышишь?

– Извините. *Кира*, – вытягивает он моё имя. – Спорим, что конец ноября – середина декабря?

– Нам уже можно идти, – чеканю я и начинаю подниматься.

Молодой человек выключает имитацию звёздного неба и поднимается за мной. Увлечённо тараторит, пока выключает кондиционеры:

– Я сам принимал участие в этих исследованиях, из чистого энтузиазма. И могу Вас заверить, что связь существует. Вы оспариваете то, что уже многие годы применяют на практике: например, знак зодиака как фактор, влияющий на распределение мужчин между классами доноров и цэрпер.

– Это лишь прописано в законе. На деле выбирают по здоровью и красоте.

– Но не потому, что такая связь не играет роли, а потому, что до сих пор не определились, где больше выгода: (возьмём всё того же Скорпиона) Скорпион-донор, который передаёт черты доминантной личности ребёнку, или Скорпион-цэрпер, который тратит колоссальные силы на подавление сво-

их лидерских качеств в статусе представителя угнетаемого класса.

– Я не Скорпион. Это во-первых. А во-вторых, эмоции особей второго пола не играют никакой роли в работе купола.

Шум кондиционеров стихает. И мне снова нужно учиться дышать городским воздухом.

– Я уже понял, что не угадал с Вашим знаком зодиака. А вот что касается непригодности мужских эмоций – это лишь официальная версия, принятая на сегодняшний день. И скоро она переменится, – он пытается убрать блокнот в карман, но он проскальзывает мимо и падает на пол.

«Неуклюжий до ужаса...» – протягивает мой внутренний голос.

Я хочу посмотреть его записи, наклоняюсь и поднимаю блокнот. Молодой человек мог бы успеть перехватить его, но он испугался, что может случайно дотронуться до меня. Блокнот довольно пышный, страницы топорщатся волнами от сильного нажима при записях. Я перелистываю его. Пишет печатными буквами. Впрочем, где он мог увидеть пропись? Почерк мелкий, сдержанный – как будто человек пытался сэкономить место на бумаге.

– Слишком много записей для того, кто научился писать несколько месяцев назад, – я поднимаю на него глаза. Испуг на его лице сменяется подобием гордости. – Но здесь не только твоя работа. У тебя разве не одна Профессия?

Я различаю смысл заголовков, которые подчёркнуты, и написаны чуть крупнее. Много записей посвящено астрономии: здесь названия звёзд или созвездий, формулы, схемы, но между ними есть другие темы – про гипотетическую структуру психаров, которыми питается городской купол, заметки о реакции на культурные мероприятия (вроде того показа, который делала сегодня Элеонора), я даже различаю название одного из моих видеофайлов. Да, история про маргиналку, которая стала настоящей Зозо. Он даже выписал сюда стихообразный пролог, который я сама сочинила:

«ЗОП нашли её в виноградниках, в мёрзлых землях
в феврале,
а теперь её аполло в атисовых палисадниках ждёт
хозяйку. В серебре
зазеркалья «Витрума» отражается её строгий взгляд.
Десяток профессий пройден, и в воскресенье впервые
она привезёт свою дочь в собственный сад.
Город дал ей надежду и долго
по широким проспектам метал —
все эмоции она крепко держала,
Миллион фотографий, инсобы, капитал,
и пустота никогда не подступала!» – поёт мой внутренний
голос.

И ещё здесь несколько рецензий на него. Забавно, он читал про мой фильм и даже не знает, что это я его сделала. Тут есть что-то про Академию, и про возможные классифи-

кации психаров (почему его так интересуют гипотезы в этой сфере?). Все эти темы чередуются, прерываются астрономией, сменяют её. Я отчётливо ощущаю, что... завидую ему.

– Зачем ты это делаешь? – спрашиваю я, возвращая ему блокнот. – Зачем читаешь, запоминаешь, записываешь эти... факты? Что тебя мотивирует?

– Мотивирует к чему?

– Вообще. Жить... дальше. Ты – цэрпер. Да что там, вас так называют по инерции. «Цэрпера» обозначает женщину с определёнными принципами и последовательностью жизненных этапов, а индивидам второго пола эта аббревиатура не соответствует. Ты соблюдаешь целибат вынужденно; перехода от родительской зависимости к самостоятельности у тебя тоже нет априори; осуществлять рациональный выбор тебе не приходится – тебя распределяют на ту или иную должность без учёта твоих желаний... Ты никогда не сможешь оставить потомство. Твоя старость будет ещё хуже, чем молодость. Настоящие звёзды ты никогда не увидишь. И твои знания в других областях тебе никогда не понадобятся. А ты как будто... ждёшь чего-то?

– Я с Вами не согласен, Кира.

– Эй, там долго ещё? Подготовительный этап... – хмыкает заповец. Его голова появляется в проёме над лестницей. Надеюсь, он не видит ручку и блокнот в руках молодого человека.

– Ещё минута, – кричит мой собеседник, опускает голову

и смотрит на меня. – Не согласен, потому что у меня есть шанс на все те вещи, о которых Вы говорите. И никакая идеология у меня этого шанса не отнимет. Например, я могу попасть на игру «Спарта», и победить в ней... и не надо так скептически улыбаться. Почему нет? Попаду – мой материал останется в городском Банке, и какая-нибудь цэрпера его выкупит – тогда у меня будет потомство. Выиграю – тогда шанс многократно увеличится. И ещё неизвестно, какие отношения в будущем будут приняты между биологическим отцом и ребёнком.

– Ты надеешься, что такие отношения будут?

– А почему нет? Каких-то сто лет назад это было нормой.

– Значит, только надежда задаёт этот... оптимизм в твоей жизни, – уточняю я.

– В том числе. Всё, что Вы сейчас перечислили – это своего рода пробелы. Это как та пустота, которая одолевает успешных цэрпер, женщин из элиты – но моя пустота другая, она со знаком минус. Вы знаете, светимость звезды измеряется странно, непривычно для обывателя: чем ярче звезда, тем ближе её значение к минусовой шкале, а самые яркие звезды идут под знаком минус. И моя пустота со знаком минус. У меня нет вообще ничего, но есть надежда, что будет. Мне есть, чего хотеть. У людей, которые всем этим обладают... – он сжимает губы так, как будто сочувствует им, а не себе, – ...им хотеть больше нечего. У Вас ещё не тот возраст, а лет через двадцать наверняка будете переживать

то, что они называют «пустота подступает».

Меня передёргивает.

Он замолкает, и снова пытается убрать блокнот в карман. Смотрит на лестницу, ведущую вверх. А я спрашиваю:

– И что же делать, когда пустота подступает?

«Ты ещё спроси у него, какие занавески выбрать для спальни в своём загородном доме» – кричит мой внутренний голос.

– Если уже всё есть? – спрашивает он.

– Ага.

– Откуда же мне знать? У меня нет даже малого. Даже моя работа – бутафория. Но я думаю, что стоит всё перевернуть с ног на голову, и побыть тем, у кого всё наоборот. Если ты – цэрпера, представь, что ты – из элиты. Или вЫсел. К тому же... – он касается ручкой моего пояса с кодом, и её стержень звоном отдаётся от металлического замка, – «не всё то цэрпера, что блестит» – как говорят ребята из ЗОПа... Извините, я на секундочку представил, что я кто-то другой.

Он поднимается по лестнице. Один, два, вдруг замирает на третьей ступени, смотрит на меня сверху вниз:

– К тому же название у нас тоже есть.

– Правда? И какое же?

– Разве Вы не знаете, как нас называют лица второго пола, которым повезло больше – доноры и эти вот... господа? – он кивает в сторону зоповца, который ждёт нас снаружи.

– Нет.

Молодой человек извинительно улыбается:

– Как же так, Вы не знаете. При вас сегодня меня так называли. Ну?

Я молчу. Мне как будто стыдно. Не за то, что я не знаю. За то, что они называют его так, как ему неприятно.

– Мокль.

– И что это значит?

– А спросите у них.

Я думаю о том, что не хочу выбираться на поверхность – здесь так хорошо дышать. Всё равно пройдёт какое-то время, и я не смогу дышать ни здесь, ни в Городе, ни в своём саду. Так зачем тянуть? В моей жизни пустота настоящая, со знаком плюс. И дальше всё будет только хуже.

– Кира! – зовут меня сверху. Я различаю, что он звал меня. Поднимаюсь.

Мы молча идём к главному входу. Я понимаю, что начинаю задумываться о том, как сказать... что сказать... говорить ли что-нибудь на прощание этому молодому человеку. Если так подумать, он спас меня сегодня... два раза... как минимум...

Я выхожу из ворот, оборачиваюсь, а молодой человек уже свернул направо, и суетливой походкой, с сутулой спиной, удаляется от меня. Он снова цэрпер. Либо он только представляет себе это.

3. Моё сообщество

Каждый раз, когда я переступаю порог квартиры, я надеюсь, что произойдёт чудо, и мне вдруг станет здесь комфортно. Но я так и не привыкла к тому, что они называют «дом». Жилища горожанок кажутся мне мрачными и холодными. Для цэрпер в норме строгость и минимализм, которые объясняются обычной рациональностью. Цэрперы меняют место жительства так же непрерывно, как переходят из одной профессии в другую.

Зажигаю свет. Узкие прямоугольники ламп расплзаются по стенам и потолку, вытягивают комнату в сторону широкого квадратного окна. Мои ноги в тонком капроне скользят по серому ламинату. Я подхожу к окну и рефлекторно кончиками пальцев раздвигаю белые лопасти жалюзи. В Городе не бывает ветра, дождей, солнечной погоды, преобразований у деревьев под окном. Какой бы суетливой не была жизнь в Городе, по факту она статична, или, правильней сказать, стационарна.

«Возмутительно! Отправить тебя сюда, и не информировать в полной мере. Почему никто не предупредил про эту Аркадию? Если это их рук дело, почему не признаться? Разве ты не поняла бы?» – мой внутренний голос в ярости.

Мы этого не делали, мы никого не заставляли исчезнуть.

«Только Виту».

Вита не исчезла. Вита мертва.

«Да. Упала с водонапорной башни», – усмехается мой внутренний голос.

Впечатываю имя нашей Альфы в строке поиска. Всего несколько минут назад Джулия выступила с речью в своём стеклянном кабинете «Витрума». Она сидит за столом. В отражении окон я различаю рыжие волосы Альбины и её хмурый взгляд.

Альфа говорит:

– Из Города пропадают женщины. Паника ведёт к необходимым поступкам: цэрперы требуют устанавливать камеры в квартирах. Когда разрабатывались законы для жизни под куполом, наша первая Альфа потратила очень много сил, чтобы отстоять право горожан на личное пространство. В Городе нет и не может быть собственности – Город является площадкой для работы. Но многочисленные исследования показывают, что любому человеку необходимо давать передышку. Если не позволять хотя бы немного уединения, это чревато как для самого индивида (перенапряжение и срывы), так и для всего общества (некачественные эмоции вместо полноценных психаров). Квартира, которую арендует цэрпера, должна быть пуста от наблюдения. Это необходимое невмешательство. Уже давно у меня возник пространственный конфликт со структурой ЗОП, которые настаивали на установлении камер во всех квартирах Города, прикрывая это усилением мер безопасности. Я отказывала в принятии это-

го закона несколько раз, и буду продолжать отстаивать свою точку зрения. Исчезновение женщин – событие временное, скоро виновные будут обнаружены и наказаны. А камеры останутся навсегда, потому что с появлением новых правил появляется и новый закон. Сейчас ты заходишь в свою квартиру, и закрываешь за собой дверь. Здесь твой мир, в который ты не обязана никого впускать. Здесь ты продолжаешь контролировать свои эмоции, но ты не обязана являть собой образец превосходства. Ты неидеальна, если захочешь. Но разве другие должны об этом знать? Основную часть работников ЗОПа составляет мужской пол. Значит, скорее всего, мужчина будет наблюдать за тобой, когда ты останешься в квартире одна. Ты – женщина, которая не подпускает к себе так близко ни родителя, ни собственного ребёнка, ни психотерапевта, ни инсону – ты готова впустить мужчину в свой мир? Мужчину, который знает, что такое прикасаться к женщине.

Альфа тысячу раз права. Вот приняли закон о том, что мужчины из ЗОПа могут делать с женщиной всё что угодно, если она нарушила Статью 1 ОП – и как они теперь смотрят на женщин? Как на кусок мяса. Так, как смотрел на меня сегодня тот заповедник в парке. Это всё последствия, побочные эффекты, которые проявились много лет спустя.

Я вытаскиваю из дальнего ящика комода свой нелегальный эргосум. По привычке открываю в нём электронный блокнот с таблицами и диаграммами, но новые цифры не за-

ношу. Я вспоминаю слова молодого человека из парка.

«Всё относительно», – философски замечает мой внутренний голос.

Да. Мой подсчёт мнений – это полный бред. Ну ладно я – я воодушевилась, что смогу приобрести себе заветного аполло, и сломя голову бросилась выполнять эту работу. Но Альфа, и остальные – как они могли этого не заметить? Это какая-то подстава! Да-да. Как со стремительным карьерным ростом Элеоноры, как с этим молодым человеком в парке: не бывает везения и случайностей. Есть причина и следствие.

«А что, если... А если они знают про папку?» – испуганно бормочет мой внутренний голос.

Я сажусь на кровать.

Кто? ЗОП?

«Да нет же! Альфа, Альбина, и остальные... Почему *ты* здесь? Разве не странно, что тебя отправили сюда в тот день, когда кто-то оставил на пороге твоего дома белую папку?»

Белую папку, которой не было.

«Ты же в своём уме. Ну?»

Я встаю и начинаю ходить по комнате из стороны в сторону.

Не было папки. Это была галлюцинация. То, что я в ней увидела – это невозможно.

«А мальчик из парка сказал...»

Верить словам особи второго пола? В ущерб своему сооб-

ществу?

«А верить своему сообществу в ущерб самой себе? Вита не могла погибнуть так, как тебе сказали. Более того, твоя сестра, возможно, по-прежнему жива. И то, что было в белой папке – тому доказательство».

Альфа не стала бы обманывать меня. Она всегда заботилась и обо мне, и о Вите.

«Ну, предположим, сама Джулия здесь и не причём. А что насчёт Альбины? Ведь в папке был компромат на неё. Чьей идеей было отправить тебя в Город?»

– Почему я здесь? Зачем они пропадают? – я задаю вопросы вслух и ложусь на кровать. Она не издаёт ни скрипа, она неподвижна, как бетонный блок. – Почему я здесь? Зачем они пропадают? – повторяю я и закрываю глаза.

23 июля 2113 года. Загородная Резиденция Альфы. Я в просторной светлой зале. Изящные колонны, перетянутые бирюзовыми браслетами, утончаются к высокому потолку, касаются его лишь изогнутыми в форме серпов металлическими скобами. Разноцветные витражи под идеально круглым куполом имитируют отблески нежного рассвета у морской глади. Ультрамариновые шторы из шёлка рассекают широкие окна стремительными волнами, падают в пол, и у самой окаёмки перевязаны муаровыми лентами. Эта зала – дуга восточного крыла здания. Я могла представить, как здесь напор утреннего солнца смягчается тёплой белизной тюли из кружева Шантильи. Пол обтянут бархатом цвета

румяного золота. Изогнутые столы и стулья из перламутра напоминают гигантские ракушки, рассыпанные среди морских пейзажей на картинах маринистов. Акустика здесь такая, будто ты говоришь у края обрыва, и как только поднимется ветер, все твои слова разлетятся в стороны и превратятся в размеренный гул эха. Альфа очень любит море.

Я удивлена, потому что Джулия не одна. А в моём запросе было чётко сказано, что дело конфиденциально. Альфа всегда относилась к этому с пониманием.

Прохожу к полукругу из кресел, оббитых изумрудным бархатом, и располагаюсь через два места от Джулии. Она кивает мне в ответ. На ней строгий костюм, её густые каштановые волосы сияющим монолитом лежат за спиной, её атласная блузка фрез изящно драпирует тело, а твидовый пиджак с приглушённой малиновой ёлочкой подчёркивает острые плечи. Её стройные ноги скрещены одна над другой, ладони обхватили правую коленку; из-под окаёмки чёрных брюк выглядывают остроносые, начищенные до ослепительного блеска туфли. Безупречна.

Её спокойные карие глаза неспешно перебирают взглядом всех присутствующих: я, Альбина, Елизавета, и ещё две женщины, которых я никогда не видела.

Альфа размыкает губы:

– В Городе пропадают женщины. Между ними нет ничего общего. Кира, как *ты* думаешь, кто в этом виноват?

Она так внимательно смотрит на меня, как будто собира-

ется выслушать мнение эксперта.

– Я, – откашливаюсь, – Джулия, я просила о личной встрече. И твой вопрос... я ничего...

Повторяет:

– Из Города, где все выходы герметично закрыты, вместо земли асфальт, а над головой только интерференционный купол; где каждый проспект и закоулок здания просматривают через камеры тысячи внимательных работников ЗОПа, исчезают без следа женщины. На месте среднестатистической цэрперы я бы начала верить в мистику. А ты?

– Сколько их уже? Пропавших? Семеро? – уточняю я.

– Пятеро.

– Это не так много, – натываюсь на возмущённые взгляды со всех сторон. – Я имею в виду... что... что...

Альфа смотрит на меня серьёзно.

– Они как сквозь землю провалились, – вступает Кристина. – Приходили поодиночке к себе в квартиру, кто после работы, кто после мероприятий, закрывали за собой дверь... и больше оттуда никогда уже не выходили. Утром на работе нет. Эргосум исчез вместе с жертвой, и не обнаруживает местоположения. Как растворились.

Я говорю:

– Видимо, кто-то подстроил так, что камеры в подъездах были неисправны. Но ведь нельзя всё продумать?

– Если ты сотрудник ЗОПа, можно продумать всё, – отвечают мне.

– Такого не может быть, – мотаю я головой. – Защитники общепринятых принципов не станут обижать тех, кого они обязаны оберегать.

Альбина хмыкает. Альфа смеряет её строгим взглядом и снова смотрит на меня:

– Не все сотрудники ЗОПа считают честью свою работу, Кира. Альбина говорила мне, когда предложила твою кандидатуру, – Альфа сочувственно улыбается, – что твоё... трепетное отношение к ЗОП могло бы повредить делу: твоя сестра работала в этой структуре...

– Вита была моей инсобой, – перебиваю я. – Родственные связи здесь не причём.

– Хорошо-хорошо, – Альфа извинительно улыбается. – Я знаю, что ты тоже хотела работать там. Тебе не нужно будет менять своё мнение об этой структуре, если уж на то пошло. У тебя будет другая задача. Я думаю, что ты справишься, потому что у тебя есть мотивация. Тебе просто нужно на время перестать доверять тем, кто обязан нас защищать. Потому что только работники ЗОП могут это сделать – подчистить видеозаписи. Никто кроме них, – Джулия вздыхает с таким разочарованием, будто её личный проект потерпел крах.

– И всё же я уверена, – настаиваю я, – что ЗОП просто пока не задействовал все свои ресурсы... А что за дело? В смысле, про какую задачу идёт речь – с которой я справлюсь, потому что у меня есть мотивация?

Джулия опускает глаза, и поправляет тонкое кольцо

на длиннопалой руке:

– Твои усилия в борьбе с болезнью ведь пока не увенчались успехом?

– Да, это так, – пожимаю я плечами. – Тем не менее, я занялась новым проектом. Я продолжаю работать. Психотерапевт сказала, что я могу, наконец, устроить переезд ко мне моего аполло. Он ждёт этого ещё с марта, и всё это время мне приходилось оплачивать...

– Да, Себастьян, – улыбается Джулия.

– К сожалению, моих Средств не хватило...

– Я знаю, знаю. Ты купила себе Фредерико. Он – хороший аполло, но ведь совсем на тебя не похож. Другое дело – Себастьян. Мы можем всё исправить. Тем более, это увеличит шансы на выздоровление. Но просто отдать аполло, который так тебе подходит – не сработает. Я знаю, что у тебя сейчас рецидив. Болезнь зашла слишком далеко. Могут начаться панические атаки и галлюцинации. Бессмысленность как важнейшая характеристика подступающей пустоты порождает нигилизм, и нигилизм ставит под сомнение твои самые стойкие убеждения. Я уже несколько дней думала о том, что именно ты подходишь для той роли, которую кто-то из нашего сообщества должен будет выполнить. В любом случае, перемена обстановки будет фатальным ударом по болезни.

– Перемена обстановки? – уточняю я

Альфа переводит взгляд на Елизавету:

– Елизавета, объясни ситуацию, – говорит она, и откиды-

вается на спинку кресла. Её правая рука свободно ложится на подлокотник, а левая подпирает указательным пальцем подбородок. Говорят, наша Альфа амбидекстер, она отлично управляется обеими руками, что в очередной раз доказывает полноценную работу обоих полушарий мозга.

– Компания «Итер», должность креатора документальных видеофайлов. С тобой в отделе будет работать Полина, среднестатистическая цэппера. Завтра утром она отправится к психотерапевту, где пройдёт сеанс суггестии – ей внушат, что ты долгое время была с ней знакома, и от тебя у неё осталось приятное впечатление. Вы «случайно» встретитесь в 18.00, у входа в «Итер», и она вспомнит тебя. Она откроет свой эргосум, и найдёт в альбоме своего профиля фотографии с тобой – в дорабочем учреждении вы занимались бегом на одном стадионе, и немало общались. Доверие к тебе разовьётся в ней быстро. Она коммуникабельна и активна, введёт тебя в свою разнородную социальную сеть. Твоя задача – всего лишь наблюдение и подсчёт.

– Я что – переезжаю в Город?

– Ненадолго.

– А как же Фелис? – рефлекторно протягиваю я.

– Кошка, – поясняет Альбина.

– Кристина будет о ней заботиться, – Альфа кивает в сторону русоволосой девушки. Я недоверчиво смотрю на её руки, неуклюже заправляющие за ухо прядь волос.

– А можно кто-нибудь другой? Поспокойнее, – протяги-

ваю я. – Фелис очень раздражительна, и...

– Это единственное, что тебя волнует? – зло шипит Альбина.

– Между прочим, достать кошку в наше время очень непросто, – защищает меня кареглазая. – Лично я ждала её несколько месяцев, почти за полгода оставляла заявку на экофермах, – она улыбается мне и говорит: – Я позабочусь о твоей кошке.

– Если самый главный вопрос мы разрешили, – Джулия тоже улыбается, но не оголяя зубы, – тогда можно приступить к сборам. Я считаю, что жизнь в Городе хорошенько встряхнёт тебя. Пустота отступит, а к моменту возвращения домой исчезнет совсем. Тут тебя будет ждать Себастьян. Он отличный садовник, приведёт в порядок твои ивы и боярышники.

Мне приятно, что Альфа так участлива, и даже знает, что растёт в моём саду.

«Что-то не так...» – шепчет мой внутренний голос сквозь сон.

– Тебя наверняка настораживает, почему столько поблажек именно тебе? – скорее утверждает Альфа. – Я объясню. На самом деле, это большая редкость, что представительницу элиты не знают в Городе. Провокация цэрпер на зависть уже давно перестала быть не престижным способом заработка, более того, многие Зозо не упускают возможности делать эту эмоцию основным источником дохода. Ведь так просто ничего не создавать, а лишь показывать то, что имеешь.

А ты продолжаешь зарабатывать по классическому методу, не участвуешь в передачах, где показывают твой дом и тебя в изумительных нарядах. И никто в Городе не знает в лицо создателя самых лучших за последние десять лет провокационных видеофайлов. Твоя неизвестность и твои навыки в области считывания эмоций делают тебя самой оптимальной кандидатурой для включённого наблюдения за цэрперами. Мне совсем не нужно, чтобы ты узнавала, почему пропадают горожанки, но обстановку в Городе ты промониторишь блестяще.

– Я ведь совсем не готова. Я в Городе-то была лишь один раз.

– Ничего особенного тебе делать не придётся, – вмешивается Елизавета. – В рабочее время – создание карьерных видеопрезентаций для цэрпер, а на досуге – посещение мероприятий и различных популярных в Городе мест (для Полины ты станешь настоящей инсобой, и она везде будет брать тебя с собой). Веди статистику. Какие версии превалируют у населения? Какое у них настроение, и есть ли подозрительная категория? Кто хочет перевернуть наш мир: неудачницы, трудоголички, маргиналки, второй пол. Просто наблюдай, считай, ищи значимые различия.

– Всё ведь не настолько безопасно, как ты описываешь? – прямо спрашиваю я.

– Я буду откровенна, – Альфа наклоняется немного вперёд, снова обхватывает ладонями коленку. – Если бы цэрпе-

ры пропадали при других обстоятельствах, на твоей стороне был бы ЗОП. А в данном случае именно их следует подозревать в первую очередь. Если их сотрудники делают поблажки определённой категории людей – обрати на это особое внимание. Скорее всего, в Городе сговор между ЗОПом и частью населения. И именно ЗОПа тебе надо опасаться. Если они узнают, что у тебя есть нелегальный эргосум, или твоя заинтересованность в исчезновениях вызовет у них подозрение, тебя задержат по какой-нибудь причине. Разумеется, мы тебя вытащим. Но тогда раскроется наше недоверие к ЗОПу, а это имеет негативные последствия для меня лично. Поэтому тебе надо быть максимально осторожной, и не делать лишних телодвижений. Работай строго по инструкции.

Альбина хмыкнула. Она давно знает меня, и помнит, как я мечтала попасть в ЗОП. Конечно, для меня эта игра в шпиона должна представиться настоящим приключением, за которое я ещё и приз получу – мне отдадут самого красивого аполло 2112-го года. У меня появляется стойкое убеждение, что Альбина догадывается о белой папке, и знает, что я видела компромат на неё. Альбина занималась организацией моей встречи с Киль, и то, что там произошло, не обошлось без её участия. И если бы не тот молодой человек с блокнотом, сидеть мне сейчас в «Гласе».

Джулия здесь не причём. Это Альбина хочет избавиться от меня.

4. Ц – Целомудрие

36-й день в Городе. Дома сейчас день, можно выпить чай в сухом саду после обеда. Мы следуем по длинному коридору с высокими стенами, выкрашенными в холодный белый цвет. Нам навстречу идут подростки небольшими группками, такие же обгоняют нас. Похоже на любой городской инкубатор, но лишь на первый взгляд. Маргиналки выходят на первую стажировку в пятнадцать, а не в тринадцать, и мне необычно видеть таких переростков в качестве материала для обучения. И всё-таки, что не говори, лица у них другие. Дочери вЫселов больше похожи на тех девочек, с которыми росла в «Источнике личности» я, чем на дочерей цэрпер: не каждая по отдельности, а разнообразие в их совокупности. А ещё они иначе смотрят на мальчиков: не с априорным равнодушием, что ли. Они как будто сами пытаются прийти к выводу, что особи второго пола ничтожны, и почему.

Спускаемся в столовую.

– Я не знаю, как долго продлится заминка, – робко говорит женщина. – Может, стоит...

– Тебе нужно взять другой настрой. Ты, наконец, достигла пика в карьерной лестнице. Есть женщины, которым этого не удаётся, даже при том, что мать финансировала их до периода эмансипации. У тебя этого не было. Ты сделала себя сама. Гордись этим.

– Хорошо.

Эта её юбка в пол никуда не годится. Надо сказать, чтобы переделалась в брюки. Длинные распущенные волосы, да ещё не покрашенные, и юбка в пол – как ей пришло в голову так вырядиться для завершающей презентации?

Я беру порцию белой полупрозрачной каши, через которую просвечивает узор в чёрную клетку на тарелке, и сок с имитацией вкуса вишни. В столовой немногочисленно. Я ем и смотрю на широкие видеотрансляторы, растянутые над квадратными столиками. На них показывают женщину пятидесяти лет; под её говорящей головой написано: «Стойкость к межполовому индуцированию как основа целомудрия».

– Это Илга. Сделайте кто-нибудь погромче, – просит одна из женщин за соседним столиком.

– На этой неделе полгода как она пропала. Вот и запустили этот... мемориал.

Камера движется за пустотой, на которую Илга смотрит с гневом. Выкромс. Оппонентка когда-то нарушила ОП, и её убрали из видео. Повисает пауза: Илга слушает невидимку, склоняет голову набок, бросает краткое «нет», снова слушает, грубо отмечает «ты мелешь чепуху». Как глупо выглядит человек, эмоционирующий на выкромсанного персонажа. Сейчас Илга кажется сумасшедшей, у которой перед глазами галлюцинация. По картинке невозможно вычислить, что на кресле, расположенном напротив Илги, когда-то был собеседник. Уничтожено всё, и пустота идеально сливается

с декорациями.

— Назови мне источник, в котором ты нашла такую информацию обо мне. Ну? — Илга задаёт вопрос пустому креслу. После пятисекундной паузы: — Повторяю, я никогда не призывала наше общество к тому, чтобы целибат был отменён. Я говорила об испытаниях... — Оппонентка, по-видимому, пытается перебить Илгу, но та не отступает: — Ещё раз повторяю... об испытаниях... индивидуальности... женщины.... в межличностном взаимодействии с... с особями второго пола! Второго пола! С чего ты... Я пропагандирую секс?! Ты рехнулась? — Илга наклоняется вперёд настолько, что её пятая точка отрывается от сидения кресла. Выслушав замечание собеседницы, она корчит гримасу отвращения, и, судя по всему, передразнивает оппонентку: — «Не секс, а сексуальную агрессию». Я. Учу. Женщин. Быть. Главными. В диаде Ж и М, даже при условии, что статус М выше... — Илга удивлённо хлопает глазами, смотря на невидимую собеседницу. Переводит взгляд в камеру. — Что значит: «статус М не может быть выше статуса Ж»? — снова смотрит на собеседницу. — Что значит «мифы»? Это происходит в реальности! Потому что женщины расслабились, решили, что их позиция больше никогда не будет занята мужчинами. А они опять подступают, как пустота к пятидесятилетней цэппере. Ты сама бываешь унижена мужчиной. И я сейчас тебе скажу, как тебя унижают, а ты даже не замечаешь этого, жирная ты скотина. Любое твоё фото, которое делает мужчи-

на-фотограф. Он говорит тебе: в таком ракурсе Вы смотрите невыигрышно. А ты разеваешь пасть и проглатываешь. И просишь его: скажи мне, как встать? И он ставит тебя, как хочет. – Илга резко наклоняет голову и бросает руки вперёд, будто пытается закрыться от удара. Её щека вминается, вздрагивает, и снова раздувается – на секунду невидимка обрела телесность, хотя и осталась прозрачной. – Охрана! – кричит Илга, что-то подбирает с пола за своим креслом. – Получи обратно свой вонючий туфель! – и швыряет невидимый предмет в сторону пустого кресла. В студии появляется три женщины из ЗОПа. Одна хватает и старается обездвигать Илгу, которая смешно подпрыгивает, пытаясь оторвать от стеклянного столика встроенную в столешницу вазу с искусственными цветами. Две другие женщины из ЗОПа сминают в своих руках пустоту и заставляют её, и, по-видимому, её туфель, исчезнуть из студии. За ними летят сломанные розы из пластмассы.

Илга бдрь65. Её основным нововведением были провокации между полами. Она пишет, что в период гормональных колебаний необходимо подвергать мальчиков и девочек испытаниям: провоцировать их на соперничество, и создавать такие условия, чтобы девочкам было трудно доминировать. Здесь приведена ссылка на видео, в котором представлены эксперименты, поставленные Илгой на группах подростков, учащихся в коллекторе. Главное условие: испытуемая не знает, что участвует в эксперименте, сценарий экс-

перимента оглашён для всех остальных участников группы заранее. Цель: показать, что современные девочки на пороге своего выхода из дорабочего учреждения не готовы постоять за своё Целомудрие.

Загружаю видео по приведённой ссылке. Камера снимает всю комнату. В ней три ряда парт. На самом дальнем, ближе к двери, четыре девочки, им по двенадцать-тринадцать лет, и трое подростков мужского пола в возрасте от четырнадцати до шестнадцати. Мальчики не похожи ни на одну из категорий лиц второго пола. Они выглядят уверенными, воодушевлёнными... но есть в их глазах нечто такое... нездоровое, противоестественное: как во взгляде того сероглазого зоповца, который поймал меня в парке Целомудрия. Во втором ряду, в самом центре, сидит девушка, у неё копна кудрявых коньячного цвета волос ниже плеч, таких пышных, что когда она их расправляет, они загораживают лица двух девочек, сидящих за её спиной; девушке лет пятнадцать на вид. Она озлоблена, хмурит брови и кривит рот. Она что-то печатает в эргосуме.

– Дая, – зовёт её с заднего ряда одна из девочек. – Скажи ему. Вам ещё лабораторную завтра сдавать. Тоже будешь одна впахивать как осуждённая за тунеядство цэрпера на экофермах?

Дая оборачивается и отвечает:

– Это бессмысленно. Вчера мы всё это проходили, – наклоняется к своему соседу по ряду, смотрит на него зло,

и прибавляет громкости своему голосу: – Он не мог решить ни одного примера. Потом у него начал бурчать живот. Вскочил, из комнаты выбежал. И в туалет. Полквартала суток там просидел. Вы ведь знаете, что туалет за одну дверь от моей комнаты. Там такая вонь стояла. Спать потом было невозможно. Я серьёзно. Ходила к директору, просила асенсорин.

Молодой человек, о котором, судя по всему, идёт речь, безучастен. Он так низко склонился над своим эргосумом, который лежит на парте, что видно, как топорщатся на затылке не расчёсанные волосы. Левой рукой он что-то перелистывает в эргосуме, а правой подпирает голову, и его голый локоть так долго был в этом положении, что стал красным.

Другая девушка со второго ряда, единственная сидящая там кроме Даи и молодого человека, выходит из аудитории.

– Попроси кого-нибудь другого. Скажи, что он вообще ничего не делает.

– Я не успеваю, – раздражённо цедит сквозь зубы Дая. – Арчи, ты можешь первой выступить? У вас долгий проект. Я тогда всё успею. Арчи! – Дая привстаёт и тянет за рукав впереди сидящую девушку.

Та степенно поворачивается, спрашивает:

– Ты видишь моего мокля?

– Нет.

– И я – нет. А проект у него. И: мы же договорились вчера, кто когда отвечает.

– Я почти не спала. И невозможно делать одной то, что должны делать двое.

– Ну а я здесь причём? Я же смогла приручить своего мокля – он выполнил основную часть работы. Учись. Да и не хочу я первой отвечать. Она первых всегда основательнее спрашивает.

– Пожалуйста!

– Нет, – Арчи отворачивается.

– Ну Арчи-и-и!

– Вы больше времени на уговоры потратите, – устало тянет сосед Даи. – Лучше занялись бы заданием. Если так хотите его окончить.

– Чего? Вообще молчи, – шипит она. – Уткнулся в свой эргосум, там и сиди.

Молодой человек откашливается и монотонно начинает бормотать:

– Статья 1 ОП «Стандард»: Сексуальное влечение и любые формы его реализации являются запрещёнными законом практиками и включают следующие категории...

– Давай я первой отвечу? – девочка 12 лет с первого ряда поворачивается к Дае.

– Спасибо!

– Такая «взаимовыручка» расхолаживает, – бормочет Арчи.

В аудиторию заглядывает женщина:

– Лит, ты нужна мне сейчас.

Девочка, вызвавшаяся помочь Дае, привстаёт со своего места.

– Я не могу. Я сейчас буду отвечать задание.

– Я уже договорилась с преподавателем. Пошли.

– Извини, – девочка обращается к Дае, поправляет дужку очков. – Не получилось взаимовыручки.

– Это катастрофа... – протягивает Дая.

– Что Вы так эмоционируете? – её сосед морщит лоб. – Это всего лишь задание по математике. – И снова бормочет: – Статья 2 ОП «Стандард»: Тунеядство и нерациональное использование эмоциональных и материальных ресурсов запрещается законом и включает следующие...

– Ты что, совсем тупой? Ты не понимаешь, как это важно?

– Я считаю, что это вредно – тратить время на то, что тебе никогда не понадобится. – И уже тихо: – Статья 3 ОП «Стандард»: Агрессия вербальная и физическая запрещается законом...

– Это тебе ничего не понадобится. А у меня есть перспективы и мечты.

– И у меня, только я исхожу из реальных фактов. И Вам советую.

Дая округляет глаза, смотрит на девушек позади неё, снова переводит взгляд на своего соседа. Тот всё зубрит:

– Статья 4 ОП «Стандард»: Наркотические и другие вещества, приводящие к аддиктивности личности и препятствующие самоконтролю, запрещаются законом...

Дая откашливается и говорит:

– Я очень надеюсь, что скоро благополучие нашего общества дойдёт до такого уровня, что любая женщина сможет запланировать пол будущего ребёнка, и тогда суррогатные матери будут воспроизводить исключительно девочек. Я хочу, чтобы особей второго пола осталось не больше одного процента – только красивые и здоровые. А таких, как ты, больше никогда не будет в природе.

Сосед Даи продолжает бормотать:

– Статья 5 ОП «Стандарт»: Дружеские связи, характеризующиеся привязанностью и доверием между индивидами, запрещаются...

– Я мечтаю, – продолжает Дая, – чтобы моей дочери не пришлось учиться с особями второго пола, и тем более выполнять с ними совместные проекты.

– Я задержусь на двадцать минут, – в аудитории появляется преподавательница. – Постарайтесь сократить время своих ответов, чтобы мы уместились в положенный срок.

– Да! – радостно восклицает Дая, когда преподавательница уходит. – Теперь я точно успею.

Девушки с заднего ряда спокойно покидают помещение, оставляя аудиторию открытой. Сразу же вместо них заходят четыре молодых человека четырнадцати-пятнадцати лет, и садятся на задние парты. Рокировка произошла так тихо, что ни Арчи, ни Дая не заметили, что кроме них двоих теперь в аудитории не осталось ни одной девушки.

Сосед Даи тяжело вздыхает и нашёптывает:

– Статья 6 ОП «Стандард»: Артефактирование жизненно-го пути индивида без контроля со стороны ЗОП запрещается законом и включает следующие практики...

– А ещё я мечтаю, – радостно говорит Дая, не отрываясь от эргосума, – что ты не сможешь ответить ни на один вопрос преподавательницы, и она поймёт, что ты никак не участвовал в проекте, и вообще не способен решать элементарные задачи.

– Если они такие элементарные, – протягивает молодой человек, – почему Вы вторые сутки не можете их закончить?

Арчи оборачивается, и они переглядываются с возмущённой Даей.

– И ещё: Вы слишком много мечтаете, – добавляет молодой человек, поворачивает к Дае голову и победно улыбается.

Арчи снова лицом к камере. Я вижу тревогу в её глазах. Она смотрит направо и налево. Кажется, её смутило, что теперь в аудитории численное превосходство лиц второго пола. Она прикрывает уши ладонями, опускает голову и замирает взглядом на своём эргосуме.

Сосед Даи как ни в чём не бывало продолжает заучивать:

– Статья 7 ОП «Стандард»: Родительское вмешательство в воспитание ребёнка запрещается законом...

– Я? Слишком много мечтаю? – переспрашивает Дая. – Нет, вы только его послушайте! Ты – леворукий моколь,

с костлявыми конечностями и убогой координацией. Штудируешь историю и ОП «Стандарт» – хочешь попасть в ЗОП. Тебя даже не смущает, что тренер по рукопашному бою называет твои попытки драться «танцами богомола». И это я много мечтаю?

– У Вас ко мне что-то личное?

– Нет, – спокойно отвечает Дая. – Просто когда таким как ты разрешают размножаться – выходят ошибки природы.

– Будете со своим аполло так разговаривать. В своих мечтах.

Дая поджимает губы, выдёргивает из его рук эргосум (ловко, не коснувшись молодого человека).

– Куда? – её сосед тянется за своим эргосумом.

Дая демонстративно держит его высоко над головой двумя ладонями, и молодой человек опускает руки. Она убирает эргосум в свою сумку, перекинутую через плечо, садится и спрашивает:

– Ну, чем теперь будешь заниматься? Пойдёшь, пожалуйста маме? Ах да, я всё время забываю, что у лиц второго пола нет родителя.

Молодой человек зажмуривается и бормочет:

– Статья 8 ОП «Стандарт»: Демотивация и апатия, ведущие к эмоциональному выгоранию и пессимизму, запрещаются...

– Знаешь, как называют рождение мальчика? «Неудачная попытка». Потому что особи второго пола – трусливые, без-

ответственные, инфантильные существа, которые ни одно дело не могут довести до конца. И ты – отличный тому пример. У тебя нет ни одной способности, которую ты за свои шестнадцать лет жизни развил хотя бы на удовлетворительный балл. Больше таких неудачников как ты здесь не было, нет, и не будет.

Молодой человек встаёт, выпрямляется, его длинные руки упираются в парты, он склоняется над Даей, и спокойно говорит ей:

– Если бы мы были здесь вдвоём, я знаю, как заткнул бы тебе рот.

Арчи в панике. Пересаживается на один стул ближе к проходу.

Дая громко расхохоталась:

– А что тебе мешает? Их вот боишься? – она поворачивает голову в сторону заднего ряда, и замирает. – А где...

Арчи медленно пробирается к краю ряда.

– Ладно, извините, – молодой человек вдруг разводит руками и садится на место.

Арчи с облегчением выдыхает. Дая молчит, и спокойно смотрит в глаза молодым людям с первого ряда, повернувшимся к ней.

– Я просто, – тянет сосед Даи, – не понимаю, как *ты* можешь не осознавать элементарного. Тебе никогда не стать успешной цэрперой. Твоя мать бросила тебя в виноградниках, когда тебе было шесть. Как ты достала её за эти шесть

лет, а? Ты уже не маленькая была. Ты видела и осознавала, чем занимаются твои родители, когда твой отец лез к твоей матери под юбку. Ты знала, что такое алкоголь, когда твоя мать дышала в твоё лицо перегаром. Это значит, что ты – отродье вЫселов – впитала в себя их похоть. И слабость. И ты никогда не сможешь контролировать свои эмоции. В шесть лет тебя отправили в коллেকтор, а это значит, что больше половины твоего обучения здесь оплачивает государство. Как ты думаешь, за сколько лет ты сможешь эти Средства отработать? Десять? Двадцать? Возможно, тридцать – ведь тебя отправят работать туда, где не хватает кадров. Скорее всего, все эти тридцать лет ты просидишь на одной профессии, занимаясь, например, уборкой моей квартиры. И уж будь уверена – тебе придётся перемывать её снова и снова, об этом я позабочусь. Ты будешь делать это так часто, что в твоей любимой математике не найдётся цифры, выражающей это число.

– Я не обязана выходить отсюда с низкими баллами из-за прогнозов какой-то особи второго пола, и потому, что в совместных проектах мои оценки напрямую зависят от моклей вроде тебя, – отвечает Дая тихо.

– Да-я, – тихо зовёт её молодой человек с заднего ряда, как будто он гораздо дальше, чем есть на самом деле, – ты неудачница.

– Ты – неудачница, Дая, – зовёт её другой. – Смирись.

– Смирись, ты неудачница.

– Ты – неудачница... Смирись...

Арчи вздрагивает, зажимает уши руками, зажмуривается.

– Ладно, отдай эргосум, – говорит ей сосед.

– А то что? – с вызовом бросает Дая.

– Сам заберу.

– Тебе нельзя ко мне прикасаться.

Молодой человек встаёт, подходит к Дае (она даже не смотрит на него). Он резко наклоняет её стул вперёд. Она едва успевает выставить ладони, чтобы не удариться об парту корпусом.

– Мне больно! – кричит она.

Молодой человек проскальзывает между ней и задней парты. Идёт к двери. Громко захлопывает.

Арчи вскочила, схватив свой эргосум.

– Э! – крикнул один из молодых людей.

И раздался смех. Арчи дёрнулась вперёд, и, стремясь в угол в полуприсяди, швырнула свой эргосум назад.

– Это не мой! – воскликнул сосед Даи, когда к его ногам шлёпнулся эргосум. Все снова засмеялись. – Отдай мне мой.

Дая встала, вышла в проход. Сумка с его эргосумом внутри продолжала висеть у неё через плечо. Не видно лица девушки. Зато все молодые люди без исключения повернулись к камере, и смотрят в угол, где прячется Арчи. На их лицах странное выражение: смесь радости, усталости, и злорадства. Но похоти больше нет.

– Ну давай, забирай свой эргосум. Попробуй, – гово-

рит Дая.

Он тянет её за сумку на себя, девушка изящно разворачивается на месте, и выскальзывает из обвивающего её ремня. Но кричит:

– Хватит! Отпусти! – И сдавливая смех: – Ты выдрал мне клоч волос!

– Где мой эргосум?

– Его там нет. Он у меня. Что? Общишься? Тебе нельзя ко мне прикасаться.

– К тебе – не буду. Ребят, помогите мне, – он тянет её за рукав, ткань на плече трещит. Молодые люди с первого ряда с грохотом несутся к проходу, загораживая своими спинами Даю и молодого человека. Все кричат. Слышен треск рвущейся одежды, хохот, и крики Даи. Она зовёт Арчи. Но та не идёт ей на помощь.

– Всё. Всё! – кричит молодой человек. И добавляет: – Хватит с неё.

Молодые люди выходят в открывшуюся дверь. Дая стоит в проходе, одетая, с сумкой, переброшенной через плечо. В её кулаке зажат оторванный рукав, и она болтает им из стороны в сторону, с хитрым видом уставившись в камеру. Видео останавливается, картинка с кадром уменьшается, уплывает к центру экрана, и на её фоне появляется Илга.

– Провокация, – говорит она. – Как мы видим, девушка Арчи за два месяца до выхода на свою первую стажировку была не готова к этапу «Эмансипация». Прежде объект экс-

перимента демонстрировала отличные успехи в рациональности, – на экране за спиной Илги появляется диаграмма. – Но повела себя неадекватно в экстремальной ситуации: она не пресекла агрессию со стороны особей второго пола, и, более того, отождествила себя с жертвой, лишаясь, таким образом, целомудрия. – Демонстрируются фотографии, где Арчи закрывает уши руками. – Помимо качественного эмоционального выброса её браслет зафиксировал множественные аффективные колебания, то есть реализацию некачественных, непригодных для работы купола эмоций. – На экране снова диаграмма, на которой 5% отражают психар, а остальные 95% – не подвергшиеся контролю эмоции. – Последствия такой аффективности для её капитала очевидны, как очевидно и то, что такой индивид неэффективен для работы в Городе. Но каковы такие последствия для развития стратегий мужского поведения? – На экране одна за другой сменяются фотографии лиц молодых людей крупным планом, на которых выражение злорадства. – Убедившись, что женщина в условиях численного превосходства мужского пола проявляет смирение, мужчина будет пытаться создавать такие условия и использовать их в своих целях. Как далеко это может зайти... даже страшно представить. Вы знаете, что сейчас академики активно занимаются исследованиями в области создания устройств, способных фиксировать не только реакцию человека на происходящее, но и степень влияния одного человека на другого. То есть в случае успе-

ха таких разработок наши браслеты будут выявлять не только испытанные нами эмоции, но и эмоции другого человека, у которого мы вызвали какую-то реакцию. Мы сможем зарабатывать Средства провокацией. Уже сейчас лица второго пола своей агрессией способны спровоцировать на эмоциональный выброс тех женщин, которые на данный момент считаются в высокой степени рациональными. Представьте, каких успехов смогут достичь лица второго пола, практикуясь в таких провокациях – они будут накапливать свои капиталы быстрее и проще, чем мы, за счёт наших психаров. А когда у них появятся Средства – у них будет власть. И мир снова перевёрнут.

Илга иначе понимает смысл celibата. Целомудрие есть сохранение индивидуальности, а не её формирование через сопротивление искушению – разве не так? Разве женщина не от природы индивидуальна?

«Конечно от природы! И от природы у неё есть инстинкты, которые угрожают этому целомудрию, и, как следствие, индивидуальности».

Неправда. Это цэрперы должны так думать – что они борются с инстинктами. Мы-то знаем, что никаких инстинктов никогда не было. Нам это навязали мужчины. Этакое правило, в которое нас тыкали носом, когда мы делали не так, как хотят они: мы были ненормальными женщинами, если не хотели вступать в половой акт, рожать детей и заботиться о них. Нашу силу порицали как противоестественную, а сла-

бость мужчин (их страхи, их безответственность, их физическую агрессию против нас) инстинктами оправдывали.

Библиотека – одно из тех мест, которое обеспечивает вы-селов заработком. В Городе нет принтеров, это запрещено законом. Но цэрперам дозволен очень важный, стимулирующий их к достижению, ритуал: перед отправкой на пенсию они заказывают автобиографу написание своих мемуаров. Мемуары хранятся в сети в общем доступе, и в одном напечатанном экземпляре в библиотеке. Печатают книги в поселении Ы, откуда зоповцы доставляют их в Город. Мемуары сейчас занимают почти всё здание библиотеки, что удивительно: ведь право оставить о себе биографию получают только те горожанки, которые никогда не нарушали общепринятые принципы.

Я поднимаюсь по широкой лестнице, толкаю тяжёлую дверь, и тут же оказываюсь в коридоре между стеллажами из отполированных книг. Подхожу к консультанту: молодая кривоногая цэрперка склонилась над стеклянным столиком, и спрашивает, чем может мне помочь.

– Здесь есть отдел мемуаров основательниц Города?
– Ты имеешь в виду первых работников «Витрума»?
– Нет. Те шестеро, – цэрперка недоумевает, и я добавляю: – которые появились ещё до проекта Города, 2039—2040... – и уже тихо совсем произношу: – Основательницы партии ЦЭРПЕРА.

– А. Подожди несколько минут.

Я прохаживаюсь вдоль ближайшего ко мне стеллажа, разглядывая имена на переплётках толстых книг. Я уверена, что многие их персонажи живы до сих пор. В современных условиях жизнь пенсионера хороша: они управляют работой нарушителей ОП на экофермах, участвуют в конкурсах на самый красивый сад, иногда приезжают в Город на мероприятия. У каждой цэрперы есть мечта дожить до пенсии в качестве порядочной горожанки, увидеть напечатанные мемуары о себе, и уехать за черту Города. Я замираю и обвожу глазами бесконечные книги, где каждая – отдельная жизнь... Как же их много! Как много людей работали всю свою жизнь, с самого этапа «Эмансипация» и до семидесяти лет, соблюдая ОП, а значит, делая всё на благо своего общества. Мне кажется, что я даже проникаюсь чувством гордости за наш анклав, видя все эти блестящие переплётки.

– Я всех нашла! – радостно кричит девушка-консультант.

– Неужели – всех?

– А разве что-то не так? – она растерянно смотрит на меня.

– Некоторые из них нарушали ОП до того, как возникло общество цэрпер. И когда вышло ужесточение закона «О выкромсах», информацию о них автоматически убрали из сети. Я думала, мемуары тоже уничтожили.

Девушка хмыкает:

– Закон не действует на печатные книги, потому что их

не должно быть в принципе. У нас очень противоречивая система законов.

Действительно, как мы об этом не подумали?

– Давай свой эргосум – я забью туда адреса книг.

Давненько я не брала в руки книгу, но «городская» никак не потворствует моей ностальгии. Дома у меня большая библиотека, и там книги в совершенно другом оформлении: мягкие, шуршащие, с запахом; предложения на страницах напечатаны крупным шрифтом. Здесь же обложка напоминает металл, все страницы внутри заламинированы; они скользкие, пахнут клеем, переливаются разными цветами под ярким электрическим светом.

Одна из основательниц партии ЦЭРПЕРА задумалась о необходимости перемен, когда в 2026 году узнала, что больна. Открываю главу: «Симптомы новой жизни»:

«Я просто шла по городу и думала. Сначала вспоминала, что знаю об этой болезни. Впервые она появилась в 2025 году. Суть заключается в том, что без каких-либо симптомов в один прекрасный момент из матки женщины исчезают яйцеклетки, все, бесследно и безболезненно. Они растворяются, рассасываются, скороспело разлагаются – я не знаю, чего только не говорили. Женщина замечает, что что-то не так, когда не начинаются месячные. Приходят к врачу со страхом, что это беременность, и слышат, что менструальный цикл больше никогда не возобновится. Вот и всё. Пустота. Психосоматика – говорят многие. Эта пустота – ни что

иное как отражение чувственной сферы жизни современной женщины. Она не смотрит на личные качества мужчины, её не волнует возраст и финансовое положение любовника; есть только два параметра: он должен быть красивым, и он должен быть не таким, как вчерашний. Аутолиз яйцеклеток – это болезнь поколения женщин, живущих сегодняшним днём, больных карьеризмом, гедонистичных, промискуитетных. Я раньше никогда не задумывалась об этой пустоте, которая сейчас уже не кажется мне новой и незнакомой. Она постоянно появлялась в моей жизни, и исчезала только утром, когда впереди меня ждал новый рабочий день и новый мужчина в постели. А когда наступал вечер, и после свидания я вела *его*, нового, не такого, как прежние, к себе в дом, чтобы целовать его и позволять ему целовать меня, предвкушение иссякало по мере приближения к кровати. Эта пустота уже своим холодком начинала окутывать меня ещё прежде, чем всё произойдёт, прежде первого взгляда на голое тело. И я меняла не только мужчин, но и декорации: не кровать, а стол, не комната, а ванная, не дом, а отель, не город, а другая страна; одетые-раздетые, доминант-пассив, громко-без единого стога, камасутра-тантра. Бесконечные вариации, неизбежно ведущие к пустоте, как только он исчезает. Пусто не без данного конкретного мужчины, пусто без чувства к мужчине, которое я никакими силами не могла разжечь, ни к одному из них. Сколько их было? Ты начинаешь половую жизнь и не можешь понять, как можно забыть,

сколько раз ты занималась сексом; потом ты начинаешь отношения с новым мужчиной и не можешь понять, как можно забыть, сколько их у тебя было; потом ты пробуешь что-то кардинально новое и не можешь понять, как можно забыть, пробовал ты это уже или ещё нет. Пока я гуляла, я думала обо всём этом, и я поняла, что надо менять этот образ жизни. Что секс сам по себе бессмыслен, потому что он, какой бы он не был, с кем бы он не был, и сколько бы раз не был, никогда не заполнит ту пустоту, которую выедает наш основной инстинкт. Нужно пресечь основной инстинкт на корню, заменить секс чем-то другим. И так родилась моя идея о целомудрии... Целомудрие – это преимущество, а не ограничение. Целомудрие – это сохранение собственной индивидуальности, восприятие себя как целого без вмешательства мужчины в твою жизнь. Женщина, хранящая Целомудрие, великое и всемогущее создание. И разрушать свою силу, опускаясь до физического влияния на тебя мужчины, преодолевать брезгливость и решаться на обмен веществом с мужчиной ради удовольствия, которое ты получаешь не на самом деле, а только благодаря самовнушению, неприемлемо».

«Я, конечно, извиняюсь, но если целомудренная женщина – такое великое и всемогущее существо, то как особь второго пола со своим маленьким пенисом может всю эту силу разрушить?» – вмешивается мой внутренний голос. – «Значит, настолько незначительная эта женщина, разве нет?»

Мне кажется, суть совсем в другом. Чтобы этот, как ты

выражаешься, маленький пенис, проник в твою жизнь, необходимо его как-то привлечь. Для этого нужно работать, работать ради мужчины, и переступать через себя в угоду ему.

«Ой, ну да ладно! Выйди на улицу и ласково посмотри на любого индивида второго пола. Он будет ползать за тобой и сделает для тебя всё, что угодно, какой бы мразью ты ни была», – фыркает мой внутренний голос.

Во-первых, чтобы довести мужчин до такого состояния готовности, скажем так, потребовалось долго и упорно их ограничивать. А во-вторых, ты говоришь про обычных цэрпер. Про тех, кого называют моклями. Есть разные особи второго пола, с разным статусом. И так во все времена было – есть неудачники, которых выбирали только в экстренных случаях, и есть достойные внимания – вот ради таких приходилось постараться. Мы и сейчас работаем ради мужчин, если по-честному. Просто раньше нужно было привлекать внешними качествами и покладистым характером, а теперь нужно заработать большой капитал, чтобы продолжить род от достойного мужчины. Раньше мы их соблазняли, теперь покупаем: вот и вся разница.

5. Она мне доверяет

Полина отворачивается, смотрит на позирующих посетителей.

– Посмотри, какие они довольные. Как я их понимаю.

– Кто, зрители?

– Да нет. Фотографы. Ты не видела их лица, когда они на входе фотоаппараты получали. Это ужасно, что основной инструмент их профессии им нельзя держать при себе. А вдруг он увидит что-нибудь интересное, когда будет идти по Городу? Кадр упущен навсегда.

– Ничего хорошего в этом не будет, если каждый сможет фотографировать то, что захочет.

– Как ты не понимаешь? Мы ведь такие же, как они. Мы не можем работать с «Персоной» за пределами офиса. А мне вот так часто приходит хорошая идея, когда я дома, или в Торговом центре. Могла бы уже столько видео составить, если бы разрешили хранить программу на личном эргосуме. Ведь вдохновение в нашем деле – самое главное!

– Ты же понимаешь, что это для нашей же безопасности?

– Ну-ну. Одно сплошное ограничение.

– Вы сами голосовали за такую власть и за такие правила, – пожимаю я плечами.

Полина смотрит на меня оторопевшим взглядом.

Я улыбаюсь:

– Да брось! Это временно – все эти неудобства. Сейчас мы достигнем достойного уровня цивилизованности, и начнутся поблажки.

– Поблажки? – вытягивает Полина с возмущением.

Я делаю глубокий вдох:

– На самом деле, я прекрасно понимаю и тебя, и этих несчастных фотографов. Я бы тоже хотела, чтобы на моём личном эргосуме была установлена «Персона», потому что мне, как и тебе, основная часть идей приходит не в офисе. Но я осознаю, что если мне и всем остальным будет дозволено делать видеофайлы без контроля со стороны, они будут такими, как заблагорассудится, и распространять их будет легко, и сохранять в сети тоже. И тогда те люди, которые всю жизнь себя ограничивали ради репутации, будут уравнены в правах с теми, кто проявлял гедонизм. А это – несправедливо.

Полина задумалась.

– Представь, – продолжаю я, – что ты изо дня в день, каждую минуту думаешь о том, что ты делаешь, и правильно ли поступаешь. А какой-нибудь... какая-нибудь цэрпера-неудачница, которая всю жизнь сидит в одной профессии, спускает эмоции в пустоту, паразитирует на теле нашего общества, потому что не вылезает из кредитов, нарушает ОП, в конце концов, и в итоге оставляет на разных носителях свои изображения, тексты, видеофайлы. Закон о выкромсах придуман не просто так, и не просто так одобрен

подавляющим большинством горожанок. Но это не панацея. Выкромс делают только один раз. И если бы не Статья 6 ОП, не было бы никаких гарантий, что когда-нибудь информация о неправильных цэрперах не появится в сети, и память о них будет жить наравне с памятью о тебе. Разве это честно? Тебе не будет обидно?

– Будет, – вздыхает Полина. – Хотя иногда мне кажется, что та цэрпера-неудачница, которую ты сейчас описала – я.

– Перестань, тебе всего двадцать восемь, и скоро ты достигнешь пика в первой карьерной лестнице, и начнёшь заниматься следующей: а там уже дело быстрее пойдёт. Ты ещё Элеонору опередишь, вот увидишь.

– Спасибо, – Полина ненадолго улыбается, и снова задумывается.

Мы молчим. Я довольна, что исправилась. Но она обескуражена.

– Пойдём? – спрашивает она вдруг.

– Ты уже всё? А фотографии?

– Достаточно уже. Но если ты хочешь остаться...

– Нет. Не хочу. Я пришла только потому, что тебе обещала.

У выхода из зала, где проходила выставка очередной цэрперки из творческой богемы, Полина останавливается у вытянутого прямоугольного устройства, и прикладывает к его маленькому голубому экрану свой браслет. «Пандора» жалостливо пискнула, а устройство выдало торжественный сиг-

нал.

– Что ты делаешь? – хмурюсь я.

– Это для общего блага. Ты не будешь?

– Чего?

– Проект Элеоноры, между прочим. Для общего блага формации «ЦЭРПЕРА».

– Ты что, Средства туда сбросила?

– Немного, – Полина извинительно улыбается. – У меня у самой с капиталом не очень. Но если с каждого по чуть-чуть – набежит достойная сумма со временем.

– Что за бред?

– Это что-то вроде благотворительных практик. Элеонора переживает за наших потомков. Женщины, которые вносят Средства в её проект, могут рассчитывать на общую помощь для своей дочери, если уход будет преждевременным.

– Что. За. Бред?

– Прекрати! Ты во всём ищешь подвох!

Я с ужасом наблюдаю, как выходящие из зала женщины и девушки прикладывают к устройству свои браслеты.

Полина продолжает:

– Если я уйду на пенсию раньше, чем моя дочь достигнет эмансипации, или вообще до пенсии не доживу, есть шанс, что часть собранных общими усилиями Средств пойдёт на её обеспечение, и она будет иметь право на выбор профессии. К тому времени, когда у меня родится дочь, проект наберёт огромные суммы. И хватит на потомков каждой из участниц.

– Полина, Средства не могут передаваться по наследству. Когда Элеонора выйдет на пенсию, все накопленные проектом Средства просто уйдут в Банк.

– Она продаст проект кому-то помоложе перед тем, как отправиться на экофермы. Это не недвижимость, и не капитал – это проект. Она имеет право его перепродавать.

– Неправда. К тому же, она может умереть в любую минуту, или быть похищенной.

– Уж я не сомневаюсь, что элита хотела бы убрать со своего пути такую, как она, – зло говорит Полина.

Мы молча спускаемся и выходим из здания.

– Пойдём по проезжей части? – Полина, кажется, успокоилась. – Не хочу бежать. Настроение идти без суеты.

– Это разве легально?

– Ты что, никогда не ходила по директиве 2 пешком? – удивляется Полина.

– Нет, – искренне отвечаю я. – Я думала, что это нарушение ОП, – Полина смотрит на меня с умилением и похихикивает. – Нет, я серьёзно. Разве это не нерациональное использование ресурсов?

– Ты как с купола свалилась, честное слово, – усмехается она. – ОП придумали слишком давно, он уже не соответствует реальности лет пятьдесят как. И ты действительно думаешь, что все его не нарушают? Нет, даже скажем так – ты действительно никогда его не нарушала, что ли? – я отвечаю Полине серьёзным взглядом, и она молча качает головой. –

Успокойся. Я отвечаю на твой вопрос – на экофермы тебя за это не отправят. В Городе много мест, по которым ты перемещаешься без суеты – ведь так?

– Ну да, – пожимаю я плечами. – Тротуар вокруг парка Целомудрия, например.

– Вот. И что, ты никогда не ходила по нему?

– Ходила.

– Вот, видишь? И ЗОП до сих пор тебя не забрал. И таких погрешностей много. Элеонора права, что свод ОП надо пересмотреть. Просто не нужно обращать внимание на такие мелочи, а сразу переходить к глобальным проблемам.

– Без мелочей идеология не будет действовать, Полина. Именно через мелочи она внедряется в сознание общества, через нюансы, которые сопровождают тебя постоянно в твоей повседневности. Если просто сказать людям...

Полина, прямо как Альфа, выдвигает руку вперёд, показывая мне ладонь, и я замолкаю.

– Так ты не против просто дойти до дома, не зарабатывая этим процессом Средств? Или мы так и будем стоять здесь и рассуждать о том, на что мы никогда не окажем влияния?

Я смотрю на директиву 2 и пожимаю плечами:

– Ладно. Там всё равно сейчас пусто.

– Ночь. Все Зозо в такое время уже по домам, – вздыхает Полина. – Это мы работаем по четыре квартала в сутки. Мы должны думать о себе, а не об обществе. У обычной цэрперы и так слишком много насущных проблем. Каждые сутки

нужно себя контролировать. В каждую рабочую смену выполнять план. А всё так хрупко, – морщится она. – Нарабатываешь капитал, думаешь, что сейчас уже будешь готова обзавестись потомством, и вдруг пустота эта дурацкая подступает...

– Вот об этом не надо, пожалуйста, – прошу я.

Полина бросает на меня быстрый взгляд, и я ловлю в выражении её лица сочувствие.

– Ты пропустила показ одежды с такой же функцией, как в «живых открытках», – Полина снова выглядит беззаботной. – Всё было в словах из мыльных пузырей.

– Расскажи.

Полина описывает свои впечатления. А я уже не могу выкинуть из головы эту назойливую мысль: как *мне* бороться с пустотой? Тот молодой человек в парке ошибался, считая, что через этот кризис проходят все цэрперы. И Полина зря переживает. На самом деле для них эта болезнь – вообще большая редкость, даже среди самых успешных. Все эти статьи, лекарства, тренинги по профилактике подступающей пустоты – очередной способ вытащить побольше эмоций из горожан: страхи, тревога, суета, оцепенение... Они запуганы этой болезнью, и безоговорочно верят психотерапевтам, которые ставят им такой диагноз. На самом деле это враньё. А что касается нас... у элиты получается быстрее достичь того, над чем десятилетиями бьются цэрперы. Между мной, Зозо во втором поколении, и Полиной, среднестата-

тистической цэрперой во втором поколении, огромная пропасть. Во-первых, у меня есть наследственное право: жильё переходит от матери. Цэрперы же очень много Средств тратят на аренду квартир, потому что по наследству им не остаётся ничего: как только Полине исполнилось 13 лет, она вышла на стажировку, и финансирование родителем с этих пор прекратилось. Все Средства, которые Полина заработала за время стажировок и в первые годы развития в профессии – всё уходит на выплату за аренду жилья. Во-вторых, у нас обучение в инкубаторе проходит под строгим наблюдением лучших специалистов в области человеческих способностей, которые на основе долгосрочного анализа выдают каждой из нас список тех профессий, в которых мы преуспеем; следовательно, достижение пика первой карьерной лестницы происходит у нас очень быстро. У Полины был один из самых дешёвых инкубаторов, где малоквалифицированные специалисты анализировали её способности, и последствия налицо: в свои двадцать восемь лет Полина всё ещё сидит в одной профессии, которая даётся ей очень сложно. В-третьих, элита всегда будет богаче типичной цэрперы не только потому, что изначальные условия лучше, но и потому, что для нашей работы ведётся совсем другой подсчёт. Мы получаем Средства за то, что провоцируем на эмоции. Они получают их за то количество пригодных эмоций, которое им удалось выработать. Среднестатистическая цэрпера может годами сдерживать свои эмоции, подвергать их тща-

тельной рефлексии, и совершить разовый эмоциональный выброс всего этого «состояния» на просмотре моего провакционного видеофайла. Из 100% психаров, которые выработает цэрпера, просматривая его, на мой счёт будет зачислено 95%. А ей только пять. И смотреть мой видеофайл будет не одна цэрпера, а сотни одновременно. Это колоссальная разница и в правилах оплаты выработанной энергии, и во времени, затрачиваемом на работу. Если бы цэрперы знали об этом, они, конечно, заявили бы, что это несправедливо. Ведь по факту это *они* работали. Но на самом деле их работа – реакция на мою работу. Они – следствие, я – причина. А причина главнее. Поэтому пока цэрпера работает и копит Средства на переход к этапу «Родительство», её возраст приближается к шестидесяти. Её капитала хватит на менее выносливую суррогатную мать, чем достанется мне, она купит ген. мат. в Банке, а я могу рассчитывать на аполло, она будет финансировать воспитание ребёнка в дешёвом городском инкубаторе, а моя дочь будет расти за городом, на чистом воздухе, под присмотром лучшим специалистов.

Но цэрперы *надеются*, что смогут добиться того, чего хотят. И у них нет времени на то, чтобы думать о какой-то там пустоте. А я... Молодой человек также ошибся в том, что эта болезнь приходит с возрастом. Я, например, в свои тридцать два ощущаю её очень отчётливо. И началось это не сейчас, и не год назад. Она проявляется медленно, наступает волнами, и сначала незаметна, но каждая последующая волна всё

мощнее. Она как симптомы несерьёзной болезни, которые пропускаешь как пустяк. Потом проскакивает мысль, что так уже не в первый раз, что временной период между рецидивами сокращается. Ты начинаешь на интуитивном уровне понимать, что что-то не так. Какие-то нездоровые повторения в твоей жизни становятся нормой. Полгода назад тебе перестало нравиться одно из любимых занятий, месяца три назад радость от каких-то событий стала длиться меньше, а сейчас уже несколько вещей, которыми, казалось, ты можешь заниматься вечно, не приносят тебе ничего. Я больше не горжусь своими наградами за видеофайлы, которые спровоцировали столько эмоций у цэрпер, и принесли столько Средств на мой счёт. Мне лень менять профессию и учиться на инженера, хотя я давно ждала этого: в моём бизнес-плане возраст «тридцать два» должен был быть только началом долгого и интересного пути. Я не ожидала, что смогу так быстро накопить на аполло, и мне говорили в нашем сообществе, что я одна из немногих, кому в таком юном возрасте удастся перейти к этапу «Родительство», но я больше не чувствую себя особенной. И моя кошка Фелис, зеленоглазая и рыжая, по которой я очень скучаю, и которую сейчас дома кормит свежей рыбой не её хозяйка, на ощупь уже не такая пушистая и мягкая.

«Давай не будем обманывать саму себя! Ты чуть не запрыгала от счастья, когда тебе сказали, что ты можешь взять Себастьяна. Так что не надо говорить, что ничего тебя не раду-

ет!» – мой внутренний голос осуждает мой пессимизм.

Да, это так. Себастьян – настоящий аполло, он занял первое место в конкурсе «Аполлон-2112». Он очень похож на меня, и дочь от него получится именно такой, какой я себе её представляла. Но... Раньше, когда я думала о будущем, я чувствовала такое... воодушевление. Мне кажется, я ощущала такой же трепет, как тот молодой человек, смотрящий на имитацию звёздного неба, или как Полина, плачущая над показом Элеоноры.

«Всё это началось после переезда в Город. Ты постоянно думаешь над тем, как живут цэрперы. Сравниваешь их с собой, анализируешь идеологию с другой точки зрения. У тебя то и дело проскальзывает мысль: а какого индивидам низшего класса жить *так*? Но ты же понимаешь: наш анклав ещё так молод, и все эти огрехи в его устройстве оправданы. А ещё ты тоскуешь по дому – стоит это признать. Здесь всё по-другому».

– И здесь небезопасно.

– Что? – переспрашивает Полина.

– Я ничего не говорила, – мотаю головой.

– Нет, ты что-то пробормотала... Ты меня совсем не слушаешь? – Полина обиженно поджимает губы.

– Я кашляла. И я тебя слушаю. Тебе понравилось, что теперь функция «живой открытки» доступна и в украшениях. У модели был широкий браслет, и когда она танцем пыталась рассказать какую-то историю, над её запястьем всплы-

вали слова, обозначающие сущность движения.

Полина улыбается:

– Я хотела рассказать тебе один секрет, – она хитро смотрит на меня. – Но не сейчас.

– Почему?

– Ну просто. Вот именно сейчас не хочу.

– Зачем тогда сказала?

Её взгляд спускается по крышам высотных домов как по ступеням – чем дальше мы уходим от центра, тем ниже здания. Задрав голову к искусственному небу, говорит:

– Я лучше спрошу у тебя. Ты никогда не думала, как работает эта штука?

– Купол? А при чём здесь секреты?

– Как же? Ведь это большой секрет. А ты такая информированная. Вдруг тебе удалось разговорить кого-нибудь из посвященных.

– Ты же знаешь – академики не взаимодействуют с горожанками. Но даже если бы появилась такая возможность – я бы не стала пробовать. Мне никогда не было интересно, честно говоря. – И добавляю: – Мне бы всё-таки хотелось провести старость нормально, как рядовым цэрперам, которые могут выиграть в соревновании садов и съездить за пределы нашего анклава, может даже в другую страну. Я очень хочу увидеть море, – и здесь я не вру.

– Я тоже... Но вероятность очень мала. Твоя мать ещё жива?

Я отрицательно мотаю головой.

– Моя ещё на экофермах. Она ни разу не была на море, хотя я стараюсь каждый раз, когда привозят в Торговый центр новые семена, отправлять их ей. А она даже в номинанты никогда не попадала. Её опережают женщины, которым дети вообще ничего не присылают – на стандартных семенах хорошие сады делают, или сами как-то выводят новые сорта.

– Видимо, твоя мать – плохой садовник.

– Она ленивая, всегда такой была.

– Тем не менее, ты дочерний долг выполняешь – значит, она хорошо заботилась о тебе, и ты ей благодарна. Я своей никогда ничего не отправляла. Но она и без меня конкурсы выигрывала. Мы обе друг без друга могли бы прекрасно обойтись.

– Несправедливо. Вот так спонсируешь свою дочь до тринадцати лет, думаешь, что всё для неё делаешь, а она потом и пакетика семян не отправит.

– Надеяться нужно только на себя, в любом возрасте. Но садовник из меня плохой... я уверена.

– Ещё есть время всё исправить, – хмыкает Полина. – Только я хочу на море сейчас. И без лекарства.

– Так не получится, сама понимаешь.

– Эта дурацкая аллергия, – вздыхает Полина. – Я не понимаю, почему они ничего не могут с этим сделать? Почему лекарство, позволяющее тебе ощущать все запахи на природе, не захлёбываясь соплями, слезами и кашлем, стоит так

дорого?

– Ну... вот так... – пожимаю я плечами.

– А ты никогда не была на краю Города? У самой стены купола.

– Да... бывала. И не раз.

– Говорят, там герметичность нарушена из-за постоянных въездов и выездов Зозо, и аллергия начинается даже под куполом.

– Не может такого быть.

– Серьёзно тебе говорю. Одна моя коллега живёт на самой окраине, как раз у восточного выхода. И ей врач даже прописал употреблять асенсорин, когда она возвращается в квартиру. Она все Средства тратит на эту мерзость.

– Врёт. У неё есть лентиги?

– Что?

– Асенсориновое лентиги. Россыпь мелких коричневых пятен на коже, поражают руки, щёки, иногда плечи... – Полина хмурится. – Разве ты не обращала внимания? Они есть у цэрпер, вышедших на пенсию, потому что пенсионеры на экофермах постоянно под асенсорином; и у некоторых аполло, которые вернулись в Город после жизни у своего инвестора – если инвестор экономен, её аполло тоже всегда под асенсорином. Давать своему аполло септемсенсорин всё-таки дороговато.

– Никогда не задумывалась об этом. Мне казалось, это индивидуальная особенность.

– Нет. Это из-за вальпроевой кислоты в капсулах асенсорина, и ещё ряда химических элементов, которые накапливаются в организме и выдают такой побочный эффект. Если твоя коллега каждый раз принимает асенсорин, у неё обязательно должно было появиться асенсориновое лентиго. Для этого достаточно всего пяти приёмов.

– Нет, у неё нет.

Мы уже рядом со зданием, где расположена моя квартира, но Полина не собирается прощаться, и, обгоняя меня на полшага, первая сходит с проезжей части.

– Слушай, а ещё говорят, – она таинственно понижает голос, – что иногда у самой стены можно *увидеть* психары.

– Большого бреда я не слышала.

– Серьёзно! Говорят, что некоторые очень сильные чувства, которые долго подавлялись человеком и, наконец, вырвались, не впитываются куполом, и вылезают обратно, прямо в Город. И они сверкают во тьме как шпиль «Витрума». И эти супермощные психары могут подплыть к человеку и проникнуть в него. И тогда человек сможет ощутить это чувство в сто раз сильнее, чем тот, кто это чувство подавлял. А ни одно живое существо не способно пережить такой аффективный взрыв. И человек просто сгорает заживо.

– Это и есть твой секрет?

– Нет, – Полина отвечает с придыханием. Кажется, она до сих пор представляет себя горящего заживо человека. – Нет! – обижается она. – Ты вообще ни во что не веришь, пока

сама не убедишься!

– Вот-вот, – я с грустью поглядываю на тёмные окна моей квартиры. Мы уже у входа в мой подъезд.

– Давай сходим туда? На край Города, – ноет Полина.

– Это бессмысленно.

– Тогда я пойду без тебя, – она складывает руки на груди.

– Нет.

– Я так и знала, что тебе не всё равно! Значит, я выберу день, и после рабочей смены мы идём на край Города.

Я смотрю на неё скептически.

– Ты же знаешь, я упрямая, – гордо заявляет Полина. – И я пойду.

– Ты просто уверена, что одну я тебя не отпущу.

– Да, – честно отвечает она, сжимает мою руку, улыбается, и быстрой походкой направляется в сторону директивы 1. Она сливается с толпой горожан через несколько секунд.

Я захожу в подъезд, поднимаюсь по лестнице. Я представляю психар, прошедший через интерференционный фильтр. Структура психара обретает геометрическую чёткость, его светимость достигает яркости шаровой молнии, его мощность увеличивается в сто крат. И он настолько плотный и буйный, что следующий фильтр не способен поглотить его. И психар отталкивается от решётки фильтра, выскальзывает из поверхности купола, и падает в прохимиченный городской воздух; теперь он плывёт над асфальтом, колеблясь, мерцая; он набирает обороты. Человек у стены замер в оце-

нении. Он ничего прекраснее и страшнее в своей жизни не видел. Психар приближается к нему, касается его губ ласковыми лучами... и вдруг! Вкручивается в лицо. Вспухает. Заполняет человека целиком. И пламя прожигает изнутри, плавит одежду... Человек нем, человек по-прежнему обездвижен. Только яркий белый огонь становится рыжим, поедая физическую оболочку, превращая индивида в один цельный эмоциональный импульс. Это зрелище представляется мне чудовищно красивым. Но я бы не хотела, чтобы на месте этого человека оказалась Полина.

6. Синее смещение

37-й день в Городе. Дома сейчас утро, в саду зябко. Будильник выдаёт уже второй залп набегающей волны. Как и положено, я загружаю на легальном эргосуме личный гороскоп – мне ведь необходимо, чтобы моя история поиска соответствовала большинству. Причудливые узоры на экране, изображающие знак Стрельца, теперь не только раздражают меня, но и напоминают о Звёздном подземелье.

Интересно, а в сети вообще есть информация про астрономию? Это же такая архаика... Первые ссылки отправляют к зодиакальным созвездиям. Я нахожу Стрельца. Россыпь точек никак не напоминает мне человека на лошади, который всегда иллюстрирует страницу моего гороскопа. Даты знака зодиака не совпадают с датами, когда Солнце проходит через это созвездие. В чём логика? Надо спросить у него. У этого молодого человека. Почему такие даты. Ищу ещё что-нибудь. Мне выдают про теорию расширения Вселенной. Я пробегаюсь по тексту, зависаю на картинках галактик. Сверкающие узоры причудливой формы, в хаосе звёзд. Неужели эти штуки действительно существуют, куда-то движутся, во что-то превращаются? И он считает, что взаимодействие между ними – этими мёртвыми объектами – гораздо интереснее, чем наша жизнь.

Нужно выпить чай и отправляться на работу. Опять

по привычке ищу кнопку на термokonстантном ящике. Как же я скучаю по дому, когда натыкаюсь на такие бытовые мелочи: дома я всегда включаю чайник, который скворчит и выпускает пар из чистой, привезённой из мест за пределами анклава воды. Здесь воду не кипятят, здесь вода перенасыщена дейтерием. Учёные связывают высокий процент стерильности среди нашего населения именно с дейтерием. Но я уверена, что в нашей почве есть много чего и похуже. Когда строили купол, по периметру будущего города выкапывали большие овраги, которые предполагалось заполнять строительным мусором – абсолютно все здания в бывшей столице пошли под снос. Но постепенно овраги стала затапливать вода. Поскольку всё делалось в огромной спешке, в котлованы попадал не только строительный мусор от снесённых зданий, но и отходы из лабораторий, где проводили опыты по трансформации психаров в энергию. И какие-то химические процессы привели к высокому уровню дейтерия в воде, заполняющей рвы вокруг будущего города. Альфа, которая была у власти в то время, воспользовалась ситуацией в нашу пользу – территория, обогащённая дейтерием, была за огромные деньги продана другому государству. Когда купол был построен, дейтерия в той местности уже не было. Земли постепенно стали заболачиваться, но территория осталась чужой. И только старость – шанс перебраться через эту чужую территорию, покинуть наш анклав, и увидеть жизнь далеко за пределами этих культурных норм.

Странно, сегодня Полина одна. Где же наша обычная компания в составе Ларисы и Алины, которые тоже всегда приходят раньше меня?

Я сажусь за столик напротив Полины. У моей инсобы таинственный вид, она смотрит на меня с нетерпением.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Сейчас, сейчас, сейчас, – шепчет она.

– Что – «сейчас»?

– Тсс.

Я замолкаю, слежу за её взглядом. Он бежит туда-сюда: от меня, в точку за моей спиной слева, и снова ко мне. Я хотела бы обернуться, но понимаю, что будет неуместно. Проходит мужчина. Полина зажмуривается. Потом распахивает глаза, и спрашивает с плохо сдерживаемой улыбкой:

– Как ты думаешь, сколько ему лет?

Я жду, когда мужчина усядется, и даст мне возможность разглядеть его лицо, а пока я вижу только сутулую спину в сером потёртом пиджаке. Он забирается на высокий стул у окна. Мне приходится повернуть корпус немного вбок, иначе его будет загораживать цэрперка за соседним столиком.

– Средняя степень выраженности лобных и подглазничных морщин, невыраженные и негрубые носогубные складки, отсутствие соответствующих изменений в области нижней части лица, в том числе предкозелковых морщин, говорят, что ему не меньше 35 и не больше 40 лет... Почему у те-

бя всегда такие круглые глаза, когда я отвечаю на твои вопросы?

Полина поджимает губы и моргает:

– Мне иногда кажется, что ты – робот.

– Ты – невнимательный наблюдатель. Моя память то и дело даёт сбой.

– Да? – она удивлённо морщит лоб и делает глоток из стакана через дринкстик.

– Почему он заинтересовал тебя?

– Он кажется типичным демотивированным цэрпером, да? – пожимает она плечом. – Но несмотря на свой возраст – ему тридцать три – он уже сменил две профессии. Ещё он очень похож на тех ботаников, которых так любят пускать в «Спарту» в качестве расходного материала, но он там не участвовал.

– Думаешь, в нём есть какая-то ценность? – спрашиваю я.

– Не в нашей примитивной корпорации ему место. С его способностями ему место в «Витруме», – в её голосе звучит восхищение, а взгляд мечтательно зависает на особи второго пола на лишние две секунды.

– Может он из *этих*?

– Каких – этих?

– Ходят же слухи, что между ЗОПом и группой особей второго пола заговор. Они похищают горожанок. Может поэтому его не отправили в «Спарту» до сих пор?

– Да что ты опять про свой заговор!

– Разве сейчас не модно в него верить?

– Мода – это не к тебе. Только не обижайся!

Бедная Полина. Она ведь думает, что знает меня всю жизнь. Наши методы всегда казались мне справедливыми. Ну вкрутили ей в голову коллекцию воспоминаний, где мы вместе учимся. Она так и умрёт с этим обманом. Почему же сейчас я думаю о том, что будет с человеком, если он узнает правду? Ведь я становлюсь для неё тем, что раньше называли «подруга». Что будет с Полиной, если она вдруг поймёт, что испытывала какие-то чувства к человеку, которого на самом деле... нет и никогда не было? Какая-то жуткая иллюзия.

«Ты, кстати, Полину ещё не спрашивала», – тянет мой внутренний голос.

– А как ты думаешь? Что происходит? Со всеми этими женщинами?

Полина задумывается на несколько секунд:

– Наверняка здесь замешана элита. Но у меня есть ещё одна версия. Когда пропала пятая жертва, появился один слух... помнишь, я говорила тебе про психары, которые могут покидать купол? Якобы девочка, которая пропала, Тита, занималась этой темой. Она искала людей, которые видели психары. И сама часто ошивалась на краю Города. Так вот, я думаю...

– Эффективного квартала суток, – к нам подходят Лариса и Алина.

– Кира, ты тоже только подошла? – у Алины сбилось дыха-

ние. Она бухается на стул рядом с Полиной. – Сегодня в директиве моего направления движение совсем какое-то сумасшедшее. Я на дорогу всего сорок минут потратила. А обычно час выходит, – Алина делает круглые глаза, сама себе удивляясь.

– Ты тоже ещё не успела сделать заказ, – спрашивает Лариса, оглядывая пустой стол передо мной.

– Не успела. Пойдём?

– Возьмите мне салат с атисом и апельсиновый сок! – кричит нам вдогонку Алина. – Сама я в ближайшее время никуда не дойду уже.

Салат с атисом? Ну-ну. Интересно, что туда добавляют вместо него? Разве что-то может заменить вкус плодов атиса?

«Сочетание редиса, клубники и... шампанского...» – томно протягивает мой внутренний голос.

– Не могу согласиться с Алиной, – бормочет Лариса, пока мы делаем у стойки заказ. – Лично я наоборот пришла позже, чем планировала, потому что мой поток сегодня был каким-то медленным. А ты что думаешь?

– Я пришла давно. Просто мы с Полиной разговорились, и я забыла, что собиралась завтракать.

– Вы много общаетесь, я вам завидую. У меня нет инсобы уже лет пять.

– Сочувствую.

– Почему Полина стала для тебя интересным собеседни-

ком? Какие у Вас темы для обсуждения помимо работы?

– Разные, – пожимаю плечами. – Она много знает. Я тоже. Сейчас, например, мы обсуждали пропавших без вести.

– Что же здесь обсуждать? И так всё понятно. Это дело рук элиты. Они убирают цэрпер, которые могут перейти в статус Зозо.

– Насколько я знаю, жертвы были не такими уж успешными горожанками.

– Ты плохо осведомлена. У них был шанс, у каждой. Все пропавшие отличались странными колебаниями в динамике капитала – мне об этом рассказывала сотрудник Банка. Их аффективные выбросы происходили часто, и при этом были качественными. Одна из жертв – актриса, по-моему – заработала как-то таким выбросом почти десять миллионов тонн психаров.

– Не может этого быть.

– Мой источник не будет врать. У нас рациональные отношения. Больше всего элиту ужасала непредсказуемость. Заработанные пропавшими Средства списывались почти сразу же после выброса – за выплеск непригодных для купола эмоций. Очевидно, что элите такие аномалии не понравились. А если бы эти женщины научились избегать проявления непригодных эмоций, создать необходимый баланс? Тогда в два счёта можно было накопить на недвижимость загородом. Конечно, таких цэрпер необходимо ликвидировать.

Мы возвращаемся к нашему столику.

– Я как раз рассказывала Алине про наше с тобой совместное детство, – Полина улыбается мне.

– Ах вот в чём дело, – хмыкает Лариса. – Вы, оказывается, ещё с детства инсобы.

– Нас вывозили на стадион «Спарты» для тренировок, представьте себе, какая жуть! Там такая атмосфера... – Полину даже передёргивает от ужаса.

– Расскажите. Интересно, – Алина уплетает принесённый салат. От него пахнет хлором, перекисью водорода и подогревшим сахаром. Как не стыдно называть *это* салатом с атисом?

– Да, расскажите какой-нибудь необычный случай. Может кто-то из вас нашёл зуб мёртвого цэрпера, пока отжимался на голограмме спартанских песков? – требует Лариса.

– Фу, ужасно! – Полина морщится. – Я очень рада, что такого не было! Там всё хорошенько стерилизуют после шоу... Надо... надо что-нибудь весёлое. О! А расскажи, расскажи им, как на стадионе во время пробежки тебя чуть ядром не сшибло! – Полина стучит ладонями по столу, и громко хохочет.

– Ядром?! – истерический вопль Алины прорывается сквозь разжёванную еду.

Я вздыхаю. Мы с Полиной никогда не обсуждали «наше совместное прошлое», и я уже забыла, что мне там написали в инструкциях. Ладно. Надо, значит надо. Главное – использовать метафоры. Я начинаю:

– Тренировки по бегу проходили два раза в неделю, не помню, кажется по средам и пятницам? – я смотрю на Полину, она пожимает плечами «тоже не помню». – Но в этот раз тренировку перенесли на другой день. Четверг, кажется. Наши сокурсницы больше двух кругов не делали. Эта вот – вы не смотрите, что она такая активная, – я киваю на Полину, – сдохла на третьем круге. Сидит и ждёт меня на лавке, ножки потирает. А я люблю побегать. Бегу я, значит, одна. Представьте себе, обычный день в середине недели. Скоро выходить на первую стажировку. Нам всего 12 лет. Жизнь только начинается. Над стадионом... вы же там были? – девушки оживлённо кивают. – Над стадионом голограмма голубого неба в начале дня, летнего. Искусственный песок падает в ботинки, он прохладный, остывший за первый квартал суток. Кондиционер только-только разошёлся, ещё не печёт. Не душно. Хорошо. Небо нарисовано чистым-чистым... Но кто же знал, что на соседней площадке во второй квартал суток по четвергам тренируются новички в метании ядра? – я понижаю голос. Девушки хихикают.

– Да-да! – вклинивается Полина. – Тогда это было модно. Какие-то исследования подтверждали, что метание ядра позволяет сформировать этот, ну как его, Кир?

Я пожимаю плечами.

– Ну, такие выемки над бицепсами, и ключицы выпирающие, как у хороших доноров.

– Гандикап, – бормочу я, и невольно вспоминаю Себастья-

на.

– Да-да! Вот его. Ну, дальше-дальше!

Я продолжаю:

– Я смотрю в голубое небо, щурю глаза и... вижу, что на меня что-то летит. Скорость ещё такая странная – как будто в замедленной съёмке, которая всё убыстряет и убыстряет темп. Я решила, что у меня оптическая иллюзия. Какое-нибудь синее смещение...

– Вы увлекаетесь космосом?

Я оборачиваюсь, и мой взгляд упирается в хлопчатобумажную синеву с золотистыми пуговицами. Я поднимаю глаза, и вижу молодого человека из парка. Как хорошо я теперь могу его разглядеть. Плечи снова выпрямлены, рукава рубашки засучены выше локтей, и видно, как выступают на его бледных руках жилки; у него смешливый взгляд, зрачки узкие от яркой электрической подсветки пола, зелёный цвет глаз уходит в голубоватый оттенок; и едва заметная улыбка на губах. Он поправляет очки кончиками пальцев, неуклюжим движением, как будто только-только начал их носить. Он смотрит на меня сверху вниз, и ждёт ответа.

– Нет, – отвечаю я. – Но теория расширения Вселенной кажется мне... завораживающей.

– Конечно, – отвечает он. – Ведь Вы не можете на это влиять.

Все молчат. Видимо, не только я потерялась. Он с невозмутимым видом вытаскивает из-под соседнего столика стул,

вклинивается между Полиной и Алиной, и усаживается напротив. Сложив локти на столе, он внимательно смотрит на меня. Молчание затягивается. Я краем глаза отмечаю, что цэрперки за столом переглядываются.

– Вы знакомы? – раздражённо спрашивает Лариса. И с возмущением добавляет: – Что ты так на неё тарацишь-ся?

«Чего ему от тебя надо?»

– Знакомы? – громко повторяет Лариса.

– Нет, – я не вру, я не договариваю. – Мы встречались, но мы не знакомы.

– Меня зовут Инг.

– И что с того? – продолжает раздражаться Лариса.

– Теперь мы знакомы, – парирует он.

Полина давится смешком. Инг ей определённо понравился. Он бросает на неё вежливый взгляд, она отвечает ему ласковой улыбкой, и он снова поворачивается ко мне.

– Ладно, – спокойно говорю я, и первой отвожу взгляд.

«Так никогда нельзя делать!» – кричит мой внутренний голос.

Я быстро поднимаю глаза и продолжаю:

– А меня зовут Кира.

– Я знаю. Я всё про Вас знаю, – говорит Инг, и по моей спине бежит холодок. – Вы недавно работаете в «Итере», но уже успешно освоили документальные видеофайлы. И у меня к Вам деловой вопрос.

«Фу ты, мать моя женщина!» – мой внутренний голос с облегчением выдыхает.

– Ну-ка? – удивляюсь я.

– Моя начальница предложила Вашу кандидатуру для экранизации части мемуаров одной женщины. Аркадия 1дробь57.

– Так, – киваю я.

– Я хочу попросить Вас взять меня в этот проект. Аркадия выезжала в поселение Ы. Моя начальница Елена хочет, чтобы экспозиция её поездки была создана Вами. Я считаю, что уместным будет использовать некоторые метафоры, связанные со звёздами. Могу ли я надеяться, что Вы воспользуетесь мной в данном проекте?

– Я впервые слышу, что буду заниматься этим проектом, – переглядываюсь с соседками по столу.

– Решение было принято сегодня, в первый квартал суток. Пока Вы спали, – говорит Инг. Я перевожу взгляд на Ларису и с разочарованием отмечаю, что у неё дёргается щека от нервного тика. Так нельзя. Женщина не должна презирать, или, что ещё хуже, ненавидеть особь второго пола. Женщина должна ничего не чувствовать к особи второго пола.

– Так, пошли пройдемся... до твоей начальницы, – я встаю, киваю коллегам и двигаюсь к выходу из столовой. Слышу, как Инг желает цэрперкам успешной рабочей смены. Он догоняет меня в коридоре.

– Что ещё за проект? Почему я должна в этом участвовать?

– Я попросил.

– Зачем?!

– Тогда, в парке, я при Вас звонил Елене, моей начальнице, помните?

Я киваю.

– Она же не знает, что я обманывал. Она думает, Вы уже согласились. Но... я не мог при... ну... там, за столом, при всех, это объяснить. Вдруг Вы не рассказывали никому о том, при каких обстоятельствах мы познакомились.

– Не рассказывала, – бурчу я. – А ты не мог сказать ей, этой Елене, что я отказалась.

– Нет. Я должен был поговорить с Вами сначала. Вдруг Вы согласитесь... Я надеялся, что Вы согласитесь.

– С чего вдруг?

– Нам можно будет выехать загород. И Вы увидите настоящие звёзды.

– Почему ты думаешь, что мне это нужно?

– Мне показалось, что Вам позавчера было интересно. У Вас возник ассоциативный ряд: звёзды и человеческая жизнь, – Инг пожимает плечами. Снова улыбается так, будто извиняется за своё предположение. – Вы что-то читали после нашего разговора, так? Иначе откуда Вы знаете про синее смещение?

– Я давно об этом слышала, ещё когда в «Агоне» рабо-

тала. – Почему мне кажется, что он способен уличить меня во лжи?

– Ладно. Тогда так. Возможно, нам удастся попасть в само поселение. И Вы лично убедитесь в том, что упасть с водонапорной башни невозможно.

«Нет, этот мокль совсем не простой. Он явно что-то знает про всю эту историю с твоим переездом сюда. Кажется, даже больше, чем ты сама. Не он ли по наставлению Альбины устроил в парке Целомудрия тот хаос с агитационными листовками? Он хочет затащить тебя в поселение Ы. Зачем?» – мой внутренний голос начинает кусать ногти.

– Смотрите, – Инг протягивает мне свой эргосум. Я беру его в руки. Там видео. – Аркадия 1дробь57 впервые приезжает в поселение Ы.

Она выходит из автомобиля. У неё уверенная походка. Её сопровождает четыре женщины из ЗОПа, в окружении которых она выглядит ещё грузнее, чем есть на самом деле. Её крупные черты лица делают её похожей на огромную рыбу, а редкие, коротко постриженные волосы, добавляют ей возраста, и мужеподобности.

Инг стоит совсем рядом и внимательно разглядывает женщину на экране. Говорит:

– У неё безупречная биография: за свои почти пятьдесят шесть лет была руководителем в десяти различных профессиях, никакого участия в телевизионных передачах; большой капитал... правда, ничего об её аполло. Ни одного

не было. И она не готовилась к этапу «Родительство». Её последней профессией была работа в «Витруме». Там она занималась программой по адаптации вЫселов. Она хотела создать в Городе дорабочее учреждение для девочек из поселения Ы. Аркадия предлагала построить транспортную сеть, чтобы девочки могли приезжать в Город только для обучения и не оставаться в нём после проведения лекций, а возвращаться каждые сутки обратно домой. В будущем это редуцирует до минимума случаи отказа от детей в поселении Ы, поскольку обучение позволит девочкам впоследствии работать в Городе. Она предоставила личные Средства для инвестиций в этот проект.

Аркадия здороваётся с жителями, жмёт руки женщинам, кивает мужчинам. Просит показать ей место, где сейчас обучаются дети вЫселов. Она пытается объяснить, чему они будут учиться в Городе, как работать, и что им это даст. Она убеждает их, а не нас, в том, что это необходимо. Она их... мотивирует.

Начинаются кадры с нищими голодными детьми, и убогими условиями существования в поселении Ы. Не верится, что этот район планировался как самый благополучный и дорогой для проживания. Землю и недвижимость здесь купили самые прогрессивные, предприимчивые и богатые люди столицы – они планировали хорошенько заработать на сдаче жилья здесь в аренду. Но как только подсчёт изменился, и право собственности было отменено, эти люди из миллио-

неров в перспективе превратились в обманутых вкладчиков. Они не хотели начинать всё с нуля и зарабатывать на новых условиях, как это делали горожане. Они стали качать права, но остались ни с чем. Только эмоции, которые пожирают их самих: злоба, зависть, агрессия, влечение, страх... деградация.

– Думаешь, Елена позволит нам погулять по поселению БИ? – я возвращаю Ингу эргосум.

– Я знал, что моё предложение Вас заинтересует, – Инг самодовольно улыбается.

– Скажи мне, а с чего тебе такие поблажки? Почему начальница позволяет тебе выбирать, с кем работать? И с чего вдруг она готова разориться на асенсорин ради твоих увлечений? Цэрпер мало заинтересует, о чём мечтала пропавшая Зозо, и какими звёздными метафорами её мечты можно обрисовать. Им подавай способы продвижения по карьерной лестнице, и советы по достижению успеха в накоплении капитала.

– Вы ошибаетесь. Производственные саги уже становятся архаикой.

– Что?!

– Вы же сами говорили – цэрперы разные, и то, что нравится Вам, не обязательно должно нравиться большинству. А исследования показывают, что теперь самые прогрессивные женщины ориентируются не на накопление карьерных лестниц и Средств для покупки недвижимости за городом,

а на то, как выйти за пределы устоявшихся стереотипов. То самое «Акме» в конце аббревиатуры «цэрпера», к которому изначально все должны были стремиться, и про которое на полвека забыли горожане... Аркадия хотела заняться адаптацией вЫселов. В Городе нет будущего, будущее за его пределами, за пределами нашего анклава, и, в конце концов, за пределами нашей планеты.

– О, опять ты со своим космосом, – раздражённо выдыхаю я. – Ты бестолково тратишь своё время... И ты близорукий. И самонадеянный.

Он начинает улыбаться, и снова обнажает зубы.

Я добавляю:

– Мне с тобой не сработаться. Пустая трата *моего* времени.

– Мы только попробуем. Вдруг получится? – Инг смотрит на меня по-доброму. – Тем более это не основная работа для Вас, так, подработка. Это сейчас модно... – я смеряю его строгим взглядом. – Так я могу сказать, что Вы согласны?

Я пожимаю плечами.

– Значит, согласны, – Инг довольно потирает ладони. – Тогда я передам Елене, что мы в деле.

Я неуверенно киваю.

– Спасибо! – он разворачивается и быстрым шагом удаляется от меня. Вдруг замирает, оборачивается. – Кира, кстати, по поводу поблажек... Елена, хоть она и из элиты, рассматривает сотрудников с точки зрения их способностей, а не по-

ла. К тому же у неё у самой сын. И она этого ничуть не стыдится.

– Ты серьёзно?

– Я же говорю Вам, а Вы не верите. Городской образ жизни, главное – городской менталитет – уходит в прошлое. Скоро всё будет по-другому.

7. Э – Эмансипация

Под моими ногами сухой белый песок – песчинки двигаются и вращаются, будто борются друг с другом. Я задираю голову. Какое яркое небо, абсолютно однотонное. Беспощадное в своей однозначности. Я не видела неба уже тридцать семь дней.

Опускаю голову. На песке вырастают декорации. Кусок обрушенного кирпичного здания прямо передо мной, справа зелёная блестящая трава с коричневыми валиками на кончиках – стебли держат их громоздкие тела достойно, выпрямившись, как натянутые струны. Слева высокая насыпь, с камнями и липким мхом (лапки высоких сороконожек увязли в нём как в болоте); на вершине опора ЛЭП в виде буквы «А», взлохмаченная от торчащих в разные стороны оголённых проводов. Позади раздаётся хруст, и я оборачиваюсь. Тяжёлый ботинок зоповца примял под собой сухие ветки, упавшие с горелого дерева; дерево огромное, грузное; в стволе дерева зияет сквозное, неровное по краям отверстие. Всё вокруг меня обрастает сухим репейником, пух которого цепляется и застревает в распушённых, обсыпанных белыми цветами зонтах борщевика. Мне приходится сделать несколько шагов вперёд, чтобы увидеть участников. Они идут мне навстречу, смотрят расширенными от ужаса глазами. Останавливаются резко, как вкопанные, по движе-

нию ладони зоповца. Он говорит: «Каждая декорация представляет реальную опасность! Используйте это во вред сопернику, а не себе». Он покидает локацию. На экранах, выставленных вдоль круга стадиона, показывают запись самого первого салюта в честь «Спарты», и зрители начинают отсчёт в такт разрывам залпов: «Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Два! Один! Спарта!!!»

Врассыпную. Двое из первого ряда сбиты с ног, затоптаны.

Победитель падает рядом с ними. Вжимает лицо в пол. Стекло голограммы расплющивает его щёку.

Несколько бегут к зданию; озираются, удлиняют расстояние между собой и соперником. Другие взбираются на холм. Один провалился в мох. Он ныряет туда с головой. Ещё одного толкнули. Он катится, ударяется об кирпичи; недвижим.

Победитель лежит.

Кто-то выползает из камышей. Липкий. Его хватают за ноги, тянут обратно. За моей спиной крик. Особь второго пола в дереве. Упёрся локтями. Другой тащит его на себя. Кто-то оббегает вокруг. Бьёт застрявшего по голове кулаками. Продолжает бить, а тот уже обвис.

На крыше человек. Он вытянут, как струна – идеальная осанка. Он вертит головой то вправо, то влево. С двух сторон к нему подползают. Уже с оружием. Он грызёт ногти. Рвёт на себе волосы. Бежит к тому, у кого лезвие ножа короче.

Замирает в шаге от соперника. Поворачивается ко мне лицом. Закрывает глаза. Падает с крыши. Как будто уже мёртвый. Головой на бетонный порог здания. Череп раскалывается. Теперь точно мёртвый.

Сквозь меня проносится особь второго пола. Он орёт и сдавливают красное лицо. Луч света ловко избегает его пальцев, падает точно на ожоги от борщевика. Раны раззадориваются, вспухают волдырями.

Победитель лежит.

Из разрушенного здания выходит особь второго пола. В его руках вилы и нож. Глаза прищурены. Смотрит на того, который бежал ему навстречу, а теперь замер. Вилы оставляет себе. Нож бросает к ногам соперника. Тот отпрыгивает, пятится, спотыкается о другое тело, падает. Ползёт на четвереньках. Получает по спине кривой палкой. Бросивший нож хохочет, в его глазах обезумевшая ярость, краснота белков проступает сквозь слёзы; он кричит: «*hastas jace, quas alius ministrat* – брось копье, которое тебе другой готовит!» Ударивший палкой подхватывает нож и бежит на того, который с вилами. Спотыкается о труп. Падает. Замах вилами мимо. Зато нож попал в ступню сопернику. Упавший встаёт и перехватывает вилы. Вонзает их в грудь раненому. Пытается вытащить оружие. Не хватает сил. Тогда всаживает поглубже. Ухмылка трогает губы. Удовольствие от доминирования. Первый раз в жизни, наверное. Нельзя было упиваться. Он был недвижим. Неподвижная цель. И не следит за тем, что

за его спиной. К нему крадётся особь второго пола. Сзади. Медленно поднимает булыжник над своей головой. Острым краем в макушку низкорослого соперника. Бьёт раз. Ждёт, пока рухнет. Потом бьёт уже лежачего.

Нож забран. Особь второго пола бежит с ним к холму. На опоре ЛЭП трое. Они вцепились в горизонтальную жердь, и держатся на расстоянии друг от друга. Ещё трое стоят внизу и бросают в них камни. Камень отлетает от жерди, бумерангом в лоб. Он сползает с холма на животе. Его тряпичные пальцы бьются в судорогах, налетая на бугорки склона. Из камышей доносится звон. Искусственный дождь. Сквозь его удары об воду слышны жадные вдохи. Особи второго пола выныривают, чтобы подышать, и снова прячутся под воду.

Победитель отползает. Его голова теперь свободна от тяжести трупа, затёкшая шея легонько помассирована пальцами, новая щека прильнула к голограмме.

На гребне крыши двое. Их взаимодействие крупным планом на экранах вдоль стадиона. Все зрители смеются в истерике. Особи второго пола отмахиваются друг от друга. Будто прогоняют мух. Ни один не хочет драться. Но ни один не уходит. Дождь делает крышу невыносимо скользкой. Им приходится сделать шаг навстречу друг другу – центр шире. Шаги были сделаны неверно. Оба падают, так ни разу и не прикоснувшись друг к другу. Они недолго корчатся внизу. Особь второго пола с ножом их добивает. Он не взобрался на холм. Кричит, что за камышами прячутся.

Победитель лежит.

На холме никого не осталось. К моим ногам падает человек. Он голый, весь в язвах и нарывах. Другой, обёрнутый с головой в содранную с соперника одежду, хлещет его вырванным с корнем борщевиком. К нему подлетает со спины другой. Тянет назад за намотанные вокруг шеи брюки. Валился вместе с ним на спину. Душит его на себе. Перестал дёргаться. Сбрасывает. Дышит широко распахнутым ртом. Подскакивает другой, запикивает в рот душителя кулак, расправляет во рту – под кожей щёк видны резкие пальцы. Убивает руку. Лицо давится, жадно распахивается рот, синюющие губы дёргаются, по коричневым от кишок перекушенных насекомых зубам ползут клопы. Запах настолько едкий, что оба начинают задыхаться от приступа аллергии.

Победитель лежит.

Мимо, по направлению к камышам, проносится особь второго пола с ножом. В его высоко задранной руке провод. Он тащит его с холма, оголённым концом вперёд. Вспышки и треск тока ныряют вместе с толстым чёрным кабелем в камыши. Особь второго пола отпрыгивает назад. Падает. Ждёт, сидя на песке. Я вижу, как его пальцы пытаются нащупать песчинки. Хочет успокоиться? Встаёт. Довольно смотрит по сторонам. Сорок девятый. Он думает, что больше нет никого. Зрители замерли и молчат.

Сорок девятый идёт к разрушенному дому, поигрывая ножом так, будто он не в первый раз убивал им людей. Он пере-

ступая через победителя и поднимается на крыльцо. Разглядывает внутренности дома. С ухмылкой возвращается назад. Спускается с одной ступени. Затем с другой. Остается ещё две. Но он больше не смотрит под ноги. Его голова высоко поднята. Мозги самоубийцы заставляют его пятку съехать, взлететь высоко вверх. Падение. Затылок приходится прямо на ребро первой ступени.

Победитель лежит. Его глаза закрыты, но веки подрагивают. Из полуоткрытого рта свисает сопля из слюны. Мясистая спина мерно вздымается над трупами. На всех экранах его спокойное лицо закрывает цифра пятьдесят. Стадион взрывается от крика «Спарта!!!» Победитель распахивает глаза, вскакивает. Его шатает, а сонное лицо смотрит на всё вокруг с непониманием.

Голограмма исчезает. Я остаюсь стоять на месте.

– Ещё раз успеем посмотреть, – говорит Полина, перегружая запись дрожащими руками.

– Не нужно. Я вникла, – скольжу по её лицу взглядом. Да у неё глаза на мокром месте.

– Точно? – она откашливается. – У тебя ошеломлённый вид. Ты нечасто бывала на игре?

– Ни разу.

– Как? Твоя первая Профессия ведь была...

– Я занималась декорациями, – перебиваю я. – Как бы мы не переделали его взгляд, будет очевидно, что он проспал всю игру. Это от шока?

– Говорят, он был под асенсорингом.

– Я считаю, что необязательно вставлять эту особь второго пола в твоё видео. Разве имеет значение, кто победил? Суть в процессе.

– Нам просто нужно показать его несколько раз крупным планом, и чтобы там он выглядел иначе: типа, он победил умом, а не физической силой. На силу ведь никто и не рассчитывает. Так что нормально.

– Хорошо. Стираешь веко, и для взгляда берёшь образец из видео примирения с естеством, который делала Алина в прошлую среду. Там женщина – глаза крупным планом – рассказывает об интриге, которая привела её к завершению пятой карьерной лестницы. Хороший взгляд. Подправишь в «Персоне» разрез глаз, а микродвижения по тем же параболам проведёшь. В динамике ничего не меняй.

– Спасибо, Кир.

– Да не за что, – я пытаюсь остановить её объятия, но Полина очень сильная.

– С тех пор, как ты здесь, начальница стала хвалить мои видео. Ты меня очень выручаешь.

– Не так уж часто я тебе помогаю. А вообще, взгляд со стороны полезен. Возможно, мы слишком строго подошли к вопросу индивидуальных сил в проектах.

– Тогда как делить достижения? Не могут же всем, кто работал над одним видео, присвоить пик карьерной лестницы. Яжимаю плечами:

– А почему нет? От кого убудет? Зато качество видео станет гораздо лучше. Ладно, мне пора заняться своей работой. Если что, я к твоим услугам.

Долго иду в свой кабинет. Я опять плохо спала. Но сегодня в моей беспокойной ночи виноват Инг. Его вчерашние слова задели меня. Неужели моя Профессия под угрозой? Факты говорят об обратном: у меня большой заработок от просмотра цэрперами моих видеофайлов, и никаких спадов я не отмечала – исключительная стабильность. Но что, если процесс уже начался, и его последствия станут ощутимы, когда я вернусь домой: мои видеофайлы будут всё меньше провоцировать на аффективные выбросы, новой профессии у меня нет, а накопления под вопросом. Я не знаю, во сколько мне обойдётся Себастьян. Моё сообщество выкупит его для меня, но смежные расходы будут огромны, и рассчитать их невозможно: его переезд ко мне, оплата для него септемсенсорина, еда, одежда – всё это ведь ляжет на меня теперь... Содержать мужчину очень дорого.

38-й день в Городе. Я достала свой личный эргосум и начала мониторить переписки цэрпер относительно их взглядов на производственные саги. Нахожу передачу о сравнительном анализе фильмов, которые снимали с реальными людьми в 50-е гг., и современных видеофайлов, в которых всё создано на программе «Персона». Конечно, здесь все убеждены, что нужно возвращать профессию киноактёра, потому что никакие голограммы и спецэффекты не заменят

настоящее человеческое переживание. Все, естественно, забывают про закон о выкромсах, как только начинаются эти идеалистические рассуждения. Они даже не задумываются о том, что если кто-то из актёров, который снимался в фильме, нарушит ОП, весь фильм будет изуродован.

Здесь действительно много мнений о том, что производственные саги себя исчерпали как жанр. Меня это ужасает. Ещё больше меня пугает то, что с мнениями некоторых цэрпер я не могу не согласиться. В рамках наших культурных норм у нас очень ограниченный выбор сюжетов по сравнению с тем, что было шестьдесят лет назад, когда безнравственное прошлое ещё давило на наших женщин своей ощутимой близостью. Были истории об отношениях с мужчинами, с детьми, с родителями, с подругами; некоторые горожанки ещё сами вынашивали детей и привязывались к ним сильнее, чем стоило, и эта тема была особенно актуальна в условиях трансформации института семьи. Теперь одни видеофайлы похожи на другие, и это вызывает всё меньше эмоций.

Комментаторы начинают переходить на отдельные личности театральных актёров, и обсуждение быстро добирается до одной из жертв. Её зовут Лит 2дробь59. В её лице, обрамлённом выкрашенными в золото волосами, я улавливаю не просто холодность и строгость, а нечто мужеподобное. К тому же в свои пятьдесят четыре года Лит выглядела гораздо старше.

Она всегда была актрисой театра, и никогда не пробовала себя в других профессиях. Когда она начала карьеру, повторных спектаклей уже не давали, только примусультимус. Но запрет на совместные репетиции был тогда ещё новинкой. Театр стал оплотом эмоционального коллапсирования, и ни кино, ни Центр Культуры не переплюнули его в этом до сих пор. Актёры в первый и последний раз собирались полным составом, только перед началом спектакля им представляли друг друга, и у них не было даже времени на то, чтобы сопоставить лица с персонажами, которых они воображали, читая сценарий. Необходимым условием также было проведение таких репетиций в квартире (где нет ни публики, ни камер). Взволнованы были не только актёры, но и зрители: осознание того, что этот спектакль больше никто и никогда не увидит, что это одноразовый эксклюзив, создавало иллюзию своей избранности.

Лит проживала роли в полном смысле этого слова, и количество психаров, излучаемых ею во время эмоциональных выбросов, зашкаливало. Поощрение такого верного распределения эмоций выливалось в финансовые накопления, и когда ей исполнилось сорок четыре, она смогла приобрести донора на аукционе, а через год уже обзавелась дочерью.

– Лит, тебя называют примой неоклассического театра цэрпер, – начинает журналистка, которую камера избегает. Всё внимание сосредоточено на Лит, и оператор увеличивает её лицо до тех пор, пока не берёт суперкрупный план. –

При равных условиях ты стала лучшей из актрис своего поколения.

– Я знаю, почему так произошло. У многих актёров моего года родитель была той же профессии, а значит, в беседах с дочерью она успевала надавать ей много советов из собственного опыта. Когда я вышла на стажировку в театре, я даже расстраивалась иногда, что у меня не так. Но, как оказалось – зря. В 2079 году, когда я впервые вышла на сцену в главной роли, опыт предыдущего поколения оказался непригоден. Свежие идеи требовали чистого листа. И я, не испорченная никчёмными советами старшего поколения, без препятствий достигла искренности в своей игре.

– Никчёмными советами, – эхом вторит журналистка. – Неужели мудрость родителя для тебя настолько обесценена?

Мутно-зелёные глаза Лит надменно смотрят на собеседницу. Журналистка откашливается и продолжает:

– Твоя дочь... Ты будешь давать какие-то советы своей дочери относительно смысла жизни? Или, может, уже чему-то научила её.

– Ей уже девять, и наше общение всегда было очень эффективным. У меня слишком много работы, чтобы тратить драгоценное время на сантименты. Традиция прогулок, которую заложили первые цэрперы, до сих пор активно продолжается представителями элиты. Но у меня нет таких Средств. Я не могу себе позволить выезды на экофермы с дочерью, оплату асенсорина на две персоны. Весь капитал ухо-

дит на обучение ребёнка. Я считаю, что достигла успеха благодаря рациональности, и полагаю, что такая черта пригодна в современном обществе, и этому учу дочь во время наших встреч.

– Ты...

– Я считаю, что разговоры – бессмысленная трата времени. Самый эффективный способ – быть примером: она этот пример наблюдает, и сама делает выводы, хочет она так жить, или не хочет.

– Ты часто видишься с дочерью?

– Мы видимся каждое последнее воскресенье сезона... четыре раза в год, помножь на её возраст, плюс ещё один лишний раз была встреча в тот день, когда её достали из лона суррогатки. Считай, – Лит кладёт левую ногу на правую и откидывается на спинку кресла.

– Неужели всё так точно, ни разом больше, ни разом меньше? А если она болела? Или она никогда не болеет? – кажется, журналистка уже не удивится и такому.

– Болеет. Мне сообщают.

– И ты не едешь к ней?

– Я же не врач, я – актриса.

– Значит, у тебя чёткий распорядок встреч с дочерью. Ты сказала, что не можешь себе позволить поездки. А разговоры считаешь неэффективными. Чем же вы занимаетесь во время встреч?

– Мы вместе занимаемся моими делами. Всё зависит

от моего расписания, оно всегда разнообразно. Думаю, ей не скучно. Если у меня в этот день репетиция, она ждёт меня в коридоре квартиры.

– Ждёт в коридоре?

– Да.

– А у тебя нет возможности иначе планировать тот день, когда у вас с дочерью встреча? Ведь ты всегда заранее знаешь, когда это будет. Может, – неуверенно тянет журналистка, – следует проводить время с ней?

– Я же сказала, мы вместе проводим время. Я не понимаю, зачем мне что-то менять в своём расписании, и... изображать перед ней кого-то другого. Официально ребёнок должен сам определиться со своим путём, но по факту цель каждой женщины в том, чтобы её дочь была максимально на неё похожа. Мы даже выбираем в качестве доноров тех особей второго пола, которые максимально похожи на нас внешне... а если есть Средства, покупаем опцию аналогии личностных характеристик... правда, у меня таких Средств не было. Моя дочь не похожа на меня не только характером. Впрочем, это неудивительно, ведь для её создания использовались не мои яйцеклетки.

– Как так?

– Ты плохо подготовилась к интервью, – Лит самодовольно хмыкает. – Я – стерильна.

– Почему же ты не в ЗОПе?

– Проблемы со здоровьем начались гораздо позже, и я уже

не могла попасть в эту структуру. Для меня сделали исключение.

– В первый раз о таком слышу.

– Плохо, – Лит повела бровью. – В общем, я считаю, что всё должно быть максимально естественно: её приводят ко мне из инкубатора; если я не занята с кем-то другим, мы обговариваем, что я делала в течение тех трёх месяцев, пока мы не виделись, потом идём куда-то по моим делам; если я занята, она ждёт.

– А ты интересуешься, как провела она это время, пока вы не виделись?

– Мне каждый день присылают отчёты из инкубатора о её успехах и провалах. Честно говоря, она не очень способная, и отчёты весьма однообразны, так что у меня уходит немного времени, чтобы их читать.

– Даже тогда, когда воспитание полностью перешло в обязанности инкубаторов как наиболее эффективных институтов развития личности, психологи утверждали, что родителям необходимо хвалить и поощрять своего ребёнка, уделять ему внимание, и тогда он будет быстрее развивать свои способности. Ты не считаешь, что это до сих пор важно, важно всегда?

– Объясни мне, что такого может сделать человек девяти лет, чтобы его за это можно было похвалить?

– Ну как же...

– Ничего – я за тебя отвечу. Я скажу тебе так: похвала

расхолаживает ребёнка, а забота родителя создаёт иллюзию безопасности, вечной опоры на кого-то ещё, кроме себя. Мы не можем себе этого позволить в современных условиях. Никакой опоры не будет, как только ребёнок достигнет тринадцати лет. Это запрещено законом, хочу тебе напомнить. Моя задача как родителя заключается в финансовом обеспечении моей дочери до периода эмансипации (осталось всего четыре года). Каждый ребёнок представляет собой отдельную личность, и моя дочь – не исключение.

– Ты противоречишь сама себе, – вдруг вклинивается журналистка. – Ты делаешь всё, чтобы она была похожа на тебя.

– Нет. Всё, что я делаю – это финансирую её жизнь от момента планирования зачатия до начала её стажировки в первой профессии. Я оплатила всё по полной: здоровый и красивый донор, дорогой инкубатор, дополнительные занятия по актёрскому мастерству у хорошего репетитора. Всё. Что ещё нужно от меня, какое внимание? Хвалить её за то, что она оказалась на десятом месте в конкурсе эрудиции? Предположим...

Я останавливаю видео. Здесь есть фразы, которые я уже читала. Лит буквально цитирует Светлану, одну из основательниц партии ЦЭРПЕРА, отвечающую за этап «Эмансипация». Светлана 1дробь976. Уникальное второе имя. Это была её идея – отказаться от фамилий, чтобы максимально уйти от понятия родовой принадлежности. Светлана предложила

обозначаться очередностью имени за тот год, в который родилась цэрпера, а через дробь добавлять последние цифры года рождения. И первой взяла себе цифровую фамилию.

Мемуаров Светланы нет в сети. Я добираюсь до библиотеки, и нахожу в её книге главу: «Люди, которым я ничем не обязана!». Светлана пишет:

«Не имеет значения, что в борьбе за самоутверждение я всю свою жизнь выстраивала по закону „только не так, как сказала моя мать!“, и из-за этого часто делала не то, что мне нравится. Если бы мне не надо было ничего доказывать ей, мы нашли бы компромисс, а я – гармонию. А так... к своим шестидесяти я ничего не достигла. У меня нет здоровья (она говорила, что нельзя переохладиться, употреблять алкоголь и спать с мужчиной до свадьбы – я носила мини-юбки промозглыми зимами, напивалась каждую субботу и меняла любовников как перчатки); нет супруга (я собиралась замуж за свободного художника, за сварщика из загорода, за трижды разведённого предпринимателя – и всех тех, кто ещё ей не нравился, а в итоге родила от женатика, который так и не ушёл из своей семьи); нет любимой работы (пока я меняла их в зависимости от того, насколько они отвратительны моей матери, мне осточертели все специальности, которыми можно заниматься без высшего образования); нет отношений с дочерью (она считает, что я пыталась воплотить в ней свои нереализованные планы) ...хотя я старалась сделать так, как ей лучше: не перехваливала, не была слиш-

ком строга, заставляла учиться. Ничего уже нельзя было изменить, как мне тогда казалось, но... 2035 год принёс мне важную встречу. На стажировку взяли молоденькую девочку из другого города – она должна была встать на моё место после того, как я подготовлю её. Марину я ничему не смогла научить, зато она перевернула всю мою жизнь. Самостоятельная, независимая от родителей (отца нет, мать строит личную жизнь), первую работу нашла в тринадцать лет, сама выбрала колледж и поступила, сама заработала денег на переезд в Москву. Ей не на кого было надеяться, кроме себя, и некому было доказывать, что она отдельная личность, кроме самой себя. Она, *не испорченная никчёмными советами старшего поколения*, так выстроила свою жизнь в двадцать три года, как мне, шестидесятилетней женщине, и не снилось. И я подумала, насколько это важно – быть отдельной личностью. Не стараться угодить, не следовать советам, не пытаться что-то доказать. Я подумала, насколько проще было бы человеку, если бы общение в семье носило другой характер... а тут ещё результаты исследований первого поколения детей, воспитанных в инкубаторах, как раз 35—36-е годы. Я назвала это полноценной эмансипацией...»

Звонит мой эргосум. На фотографии пухлая женщина в парике с длинными седыми волосами, отутюженными до неонового блеска. На её лице столько слоёв косметики, что крылья носа сливаются с носогубными складками. Глаза синие, с фиолетовой радужкой, и в таких же тонах выкраше-

ны губы.

– Кира 4дробь85? – слышу я её смешливый голос с хрипотцой.

– Эффективного квартала суток.

– Меня зовут Елена. Инг говорил, что ты согласна поработать над нашим проектом.

– Верно.

– Я организовала встречу на первое сентября, на вторую половину четвёртого квартала суток. Я отправляю вас в окрестности поселения Ы. Сосредоточься на дороге. Представь, что могла думать женщина, которая хочет адаптировать нецивилизованный сгусток населения к жизни в современном Городе. Хорошо?

– Да... – неуверенно тяну я.

– Я пришлю тебе инструкции сегодня-завтра.

8. Аполло моей мечты

39 дней в Городе. Дома сейчас вечер. Время близится к закату.

Мне так смешно. Сегодня меня содержала Полина. Она купила мне еду в столовой, теперь вот я попросила её сходить со мной в Торговый центр. Я сказала, что у меня какие-то неполадки с браслетом, и проблему обещали решить не раньше, чем в конце недели. Моё сообщество ведёт себя возмутительно: с тех пор, как не состоялась встреча с Киль, со мной так никто и не связался, хотя они прекрасно знают, что я осталась без Средств.

Полина купила мне одежду: помимо солнечных очков, в которых меня не узнают знакомые цэрперы, мне нужен был тёплый кардиган. В Анатомическом бутике прохладнее, чем на проспектах Города – это полезно для кожи экземплярров, которые здесь представлены.

Мне должны вернуть на счёт 5% от суммы, которую я оплатила за Фредерико. Ему, конечно, придётся не сладко. Он уже настроился, что все долги за него выплачены, и он скоро переедет загород. Как теперь будут высчитывать сумму за него для следующего покупателя – непонятно. И процесс его нового поступления на аукцион может затянуться, возможно, даже до начала следующего года – а в новом году уже другие мужчины получают статус аполло. В любом случае,

следующая сделка на покупку его генетического материала будет для него в разы невыгоднее. Это несправедливо, ведь Фредерико был хорош.

Пока оформляют мой договор возврата, я внимательно слежу за посетителями. По широкому прямоугольному помещению с беспристрастным видом передвигаются более сотни женщин. Сюда ходят как представительницы элиты, так и цэрперы (последние обычно просто поглазеть). Цэрперу узнать легко – как только такая посетительница оказывается рядом с интересующим артикулом, вся сухость в манере держаться пропадает, руки небрежно ложатся на прохладную трубу ограждения, грудь вздымается, профиль заостряется. С каждой секундой её тело всё больше заваливается вперёд, вытягивается дугой как тончайшая металлическая пластина в сторону мощного магнита.

За ограждениями лучшие представители второго пола: идеальное здоровье, красота на любой вкус – от доминантных самцов с львиной долей тестостерона до фемининных мальчиков, хрупких, манящих к защите своими детскими чертами лица. Все эти мужчины – сыновья цэрпер. Когда суррогатная мать производит для горожанки мальчика, он автоматически попадает под опеку анклава. Государство финансирует воспитание в инкубаторах, а биологической матери либо возвращают Средства, потраченные ею на генетический материал и суррогатку, либо она может попросить ещё одну попытку с тем же донором и суррогатной матерью,

но в случае второй неудачи (если снова родится сын) никакой компенсации не будет. У нас такой проблемы нет – у всех Зозо рождаются дочери методом «дети в пробирке».

Распределение мальчиков на классы (обычный цэрпер, донор, сотрудник ЗОПа) – очень простая процедура. Будущую принадлежность у большинства определяют уже в дородовой период суррогатки – они станут тем, что Инг называл «мокль». Но пока мальчик не достигнет шестнадцати лет, он не должен знать, кем он станет, он обязан надеяться, что попадёт в класс доноров. Их учат всем тем навыкам, которые необходимы особи второго пола, достойной для продолжения рода: физическое самосовершенствование, кулинария, садоводство, этикет. В шестнадцатый день рождения мальчик получает статус. Если он «мокль» – по достижении восемнадцати лет распределяют туда, где не хватает кадров (такой мальчик обычно всю жизнь работает на одной профессии, и выплачивает кредит государству за своё воспитание). Если мальчик станет донором – у него начинается активная «тусовочная» жизнь. Карьера донора коротка: одиннадцать лет, пока ему не исполнится тридцать. За этот период он должен мелькать в социальной и виртуальной жизни как можно чаще, и ярче. Ему необходимы полезные знакомства и высокие рейтинги, чтобы набить себе цену: он участвует в спектаклях, выступает на передачах, ходит на культурные мероприятия – и продолжает сидеть в кредите. Все долги за его рождение, воспитание и попытки пробиться в кон-

курс «Аполлон», будет оплачивать первая женщина, которая его купит. Суммы набегают исполинские, но подъёмные для современной женщины: не только элита, но и даже успешные цэрперы иногда могут позволить себе донора.

Большинство доноров никогда не получают значимых мест в конкурсе «Аполлон», а значит, представительницы элиты не будут приобретать их генетический материал. Идеальный вариант для таких мальчиков – быть купленным максимально разрешённые три раза за свою карьеру, а после работать в Городе до семидесяти лет, пока их не отправят на экофермы. Разумеется, они завидуют тем, кому удалось стать аполло. Однако ещё можно поспорить с тем, что у последних жизнь складывается лучше. Да, аполло переезжает загород и его содержание полностью берёт на себя покупатель: обеспечение асенсорином (или даже септемсенсорином – такое лекарство тоже препятствует аллергии, и вместе с тем обостряет все те ощущения, которые дешёвый асенсорин парализует), вкусная пища и вода без дейтерия, разнообразный досуг. Да, если покупатель щедр, на его личный счёт будут начисляться дополнительные Средства. Да, ему больше не надо заниматься саморекламой и подлизываться к тем, кто ему отвратителен. Да, есть даже маленький шанс на то, что он сможет видеть свою дочь (пусть им нельзя взаимодействовать, но он увидит своего ребёнка). Но сколько продлится всё это – неизвестно даже самой покупательнице. В любую секунду ей может понравиться другой апол-

ло, и предыдущий будет выслан в Город немедленно. Ещё страшнее для них другой вариант: может попасться женщина, которая не потратит ничего сверх необходимого. Аполло может прожить с десять лет в качестве кухарки и садовода у экономной представительницы элиты, которая не будет выделять ему Средств для выезда в Город, не будет брать с собой для сопровождения на мероприятия, никогда не позволит ему взглянуть на дочь, для него даже будет отдельное питание – тоже качественное, но самое простое; а в тридцать лет, когда больше никто его не купит, он будет снова втиснут в суету Города с нулевым счётом. И нет никаких законов, ни моральных, ни юридических, защищающих особь второго пола от такой эксплуатации в её абсолюте. Он сам хотел рискнуть: не хочешь такой вероятности, сиди тихо в донорах и не меть в аполло.

Молодой человек напротив стола, за которым я сижу, готовит завтрак – кажется, блинчики с голубикой и мороженым кремом. У него в меру накаченные руки и широкая грудь, а живот обтянут белоснежным фартуком. Он поворачивается боком, чётким и одновременно плавным движением заставляет блин вспорхнуть со сковородки, перевернуться в воздухе ровно два с половиной оборота, с гордой улыбкой провожает его точную посадку обратно на тяжёлый чугунок. Он поворачивается к зрителям спиной, и пока его мышцы на левой руке напрягаются, размешивая в глубокой миске творожный крем, все наблюдатели, конечно, с упоением

следят за аккуратным узким тазом, едва заметно подрагивающим в такт кручению. Даже я приспускаю солнечные очки и наблюдаю за ним с удовольствием. Он левша, а это значит, что потомству может передаваться способность к образному мышлению. Это не очень актуально в наше время. И вот он снова лицом к зрителям, и его ловкие пальцы украшают десерт синими ягодами. Я встречаю его тёплый карий взгляд, и жду, пока он первым отведёт глаза.

– У вас сегодня много клиентов, – протягиваю я. Посетительницы закрывают своими спинами мой вид из-за стола, и я решаю развлечь себя разговором с анатомом Катей, которая оформляет мой договор.

– Привезли новых мальчиков. Есть почти идеальные экземпляры.

– Вряд ли я смогу себе позволить в ближайшее время ещё одного донора, – я с грустью разглядываю сумму, которую мне возвращают сегодня за моего неудавшегося аполло.

– Фредерико стоил очень дорого. И третье место на конкурсе. Так жаль, что из-за его мелкой оплошности тебе придётся отложить переход к этапу «Родительство». Может, всё-таки стоит передумать? Фредерико практически безупречен.

– Да, да... Хорошо развитый волосяной покров, выступающий подбородок, чистая светлая кожа. Правда, на меня совсем не похож.

– Возможно, непохожесть ребёнка на мать скоро станет модным трендом... А от него получится красивая и здоро-

вая дочь, будь уверена... – она встречает мой решительный взгляд и бросает попытки уговорить меня не возвращать Средства. – Заминка с возвратом суммы – не повод останавливаться. Если тебе к тридцати двум годам удалось создать все условия для обзаведения потомством (в нашей базе таких молоденьких родителей как ты только семеро), то наверняка в ближайшее время ты сможешь рассчитывать на ещё одну попытку. Ты знаешь, что у нас доступна услуга рассрочки?

– Да, да... – мой взгляд начинает рассеянно бродить по посетителям.

– Ты можешь внести предоплату в размере 30% и выбрать себе нового донора уже сегодня. Конечно, такая услуга распространяется только на лоты до определённого уровня...

– Которые стоят не более пяти миллионов, и для которых не подразумевается аукцион.

– Да, совершенно верно, – мой тон немного охладил Катю. – И всё же пройдишь, осмотришь. Наши консультанты тебе подробно всё расскажут. Я закончу с оформлением через десять минут и позову тебя. Мы вместе всё проверим.

Я встала и пошла по коридору, вдоль которого красивые молодые люди изображали строителей и художников. И чем дальше я удалялась от главного входа, тем дешевле стоил их генетический материал. Среди экземпляров я замечаю некоторые новые особенности. Это не только стандартные недостатки, снижающие их шанс на продолжение рода, а ещё

и другие манеры, которые проскальзывают в их жестах, выражении лиц, интонации голоса. Представленные «новинки» получили иное воспитание, нежели те мальчики, которых после шестнадцатилетия определили в класс доноров. И у меня за последний месяц возникает уже второй вопрос, который я хочу задать Альфе лично.

– Превосходные внешние индикаторы, – твердит анатом Вероника кучке столпившихся у импровизированного сада с бассейном посетительниц. – Детская схема лица, что говорит об отсутствии агрессии, тонкая шея с ярко выраженным кадыком; обратите внимание, какая отменная лицевая симметрия, – молодой человек выныривает из бассейна, и стекающие по его лицу струи мешают зрителям убедиться в словах анатома. Но когда из воды показывается безволосая грудь, а затем впавший живот и узкая талия, сомнения исчезают. Те, кто предпочитают мужчин фемининного типа, остаются, и с любопытством подбираются ближе к ограждению, а те, кто надеется передать дочери побольше доминантности, уходят.

Что за восхитительные звуки? Кто-то перебирает струны, и они отталкивают от своих упругих тел эти прикосновения в вибрации, она вливается в воздух, и превращается в музыку. Одна мелодия будто бы догоняет другую: пам-пам (пам), пам-пам-пам, пам-пам-пам, пам-пам, и уже ниже – пам-пам-пам-пам-пам... И она кажется мне слишком тихой, и я хочу подойти поближе, чтобы она стала громче. Я поворачи-

ваю назад, перехожу коридор по диагонали, и иду вдоль другого ряда в сторону главного входа. Я не одна потянулась к этой мелодии, впереди уже формируется толпа. За её полукругом я вижу вершину музыкального инструмента – это арфа. За ней – мужчина. Струны перечёркивают его молодое, полное одухотворения лицо строгими вертикалями, а шейка инструмента повторяет в своей волне его пшеничные кудри, плавные, будто ещё непросохшие до конца после душа. Голова наклонена, глаза опущены, корпус льнёт к самой широкой части инструмента, длинные ноги слегка изгибаются в коленках, его руки, его пальцы – они не щипают, они касаются струн.

Наверное, у меня и вправду галлюцинации. Я совсем убираю солнечные очки, снимаю их с кончика носа. Передо мной Себастьян. Я медленно прохожу мимо, я, наверное, ползу как улитка. Я смотрю на его лицо широко раскрытыми глазами, я пытаюсь сквозь его тёмные ресницы пробиться взглядом. Поворот моей шеи уже окончателен, дальше – только остановиться. И когда мне остаётся полшага до предела, он наклоняется к полу, дотягиваясь до самой длинной струны, и поднимает на меня глаза. Я отвожу их первая не потому, что смущаюсь, а потому, что мне нужна его улыбка. Я смотрю на его губы. Да. Она такая же, как у Инга.

Мои обещанные полшага, и я больше не вижу его. Но я слышу музыку за спиной. И мои очки снова притупляют холодное освещение коридора.

– Кира, здравствуй.

Я вздрагиваю, даже спотыкаюсь.

Мне навстречу идёт Альбина.

– Почему он здесь? – я киваю в сторону Себастьяна позади меня. – Это *мой* аполло.

Альбина расплывается в улыбке, она злорадствует моим оголённым эмоциям.

– Никто твоего не отнимет, успокойся, – она хлопает меня по плечу. – Себастьян должен быть выставлен на аукцион по всем правилам, мы не можем просто незаметно изъять его – он занял первое место в конкурсе. К тому же нам надо как-то отбить Средства, ведь не тебе покрывать его долги... Кстати, о долгах...

– Вы продадите его кому-то другому?

Альбина кивает:

– Затем оформим отказ, и пока будем возвращать сумму покупателю (ты сама теперь знаешь, как долго это бывает), выкроем из бюджета тебе на подарок. У нас уже есть потенциальный покупатель на твоего Себастьяна.

– Я её знаю?

– Наверное. Её зовут Эйс, маленькая брюнетка с юга загорода, у неё своя ювелирная линия: она делает браслеты для нас, и для горожанок. Ты ревнуешь? – Альбина хмыкает, и её язык переворачивает во рту имбирный леденец, который звонко клацает, ударившись в зубную эмаль.

– И как Вы собираетесь отговорить её потом от покупки?

– Он совсем не похож на неё. Ей просто нужно взять себе самого лучшего. Окажем на неё психологическое давление. Расскажем про последствия для потомства с таким нетождественным по фенотипу донором. Объективно – у них всё разное: цвет волос, глаз, оттенок кожи, рост... всё это отразится на дочери; там не просто что-то одно от «папаши» вылезет, как с твоей сестрой было... – она делает паузу, ждёт реакции, но я остаюсь невозмутима. Я уверена, что сохранила лицо. Сейчас я говорила себе: никакой белой папки не было, и Вита давно мертва. – Приведём примеры. Скажем, что её поведение противоречит идеологии.

– Разве это честно – обманывать представителя нашего сообщества?

– Ради всеобщего блага, – она пожимает плечами.

– А если она откажется его возвращать?

– Значит, заставим его что-то сделать не так. И напишем в официальном документе что-нибудь вроде той мелочи, которую написали про Фредерико. Ведь это тебя не смутило? Это я намекаю про честность.

– Я не знаю, что вы написали про Фредерико. И это было нечестно по отношению к особи второго пола, а не по отношению к нашему сообществу.

– Мы написали, что у него ногтевая дистрофия. И когда он приезжал к тебе загород и приготовил для тебя воздушное пирожное, вместо кусочка ягоды тебе на зуб попался его ноготь. Вряд ли теперь кому-то будет приятно покупать себе

такого аполло – а ведь для кого-то из элиты он мог бы стать идеальным донором. Вот тебе и нечестность по отношению к нашему сообществу – акт, совершённый твоими руками: ведь ты сама подписала документ об отказе.

Победила. вЫсела тебе в одно место.

– У тебя здесь дела? – я перевожу тему и начинаю двигаться в сторону Кати, которая оформляет для меня документы. – И наша встреча случайна? Или моё сообщество наконец вспомнило о том, что я нахожусь тут без Средств к существованию.

– Извини, у нас не было времени с тобой связаться.

– Между прочим, меня теперь содержит цэрперка. Как тебе это нравится?

– Ты уже сегодня сможешь всё ей вернуть, – говорит Альбина, повернувшись ко мне затылком – она внимательно разглядывает представленных мальчиков.

– Подыскиваешь себе аполло? – спрашиваю я.

– Мой аполло ещё не в репродуктивном возрасте.

– Разве такое бывает? Сколько же ему лет, твоему будущему аполло?

– Какому из них? – хмыкает Альбина.

– Самому *любимому*.

Альбина прищуривает глаза и чуть-чуть склоняет голову набок – этот жест она позаимствовала от нашей Альфы, но в исполнении Альбины он выглядит смешно, а не угрожающе.

– Хочу посмотреть, как реагируют на новую партию – вот зачем я здесь, – Альбина смотрит на наручные часы. – Мои часы опять спешат. Сколько сейчас времени? – она тянется к моему запястью, и когда её рука оказывается рядом с карманом моего кардигана, она незаметно выпускает туда новый браслет «Пандора». Сверяет часы, отпускает мою руку. – Вот теперь я могу идти по своим делам, – улыбается она.

– Откуда вы взяли новых мальчиков?

– А?

– Здесь есть экземпляры, которые не из класса доноров.

Альбина сверлит меня взглядом.

– Вы хотите пятнадцать лямов за цэрпера? – я киваю на мокля за ограждением. – Вы вообще рехнулись?

– Что? Почему цэрпер? – Альбина пучит глаза. – Ты посмотри на него, отличный экземпляр.

– Значит, ты чего-то не знаешь, – пожимаю я плечами.

Молодой человек задействован в имитации осеннего сада. На нём клетчатая рубашка с расстёгнутыми пуговицами, и синие джинсы на грубом ремне с тяжёлой бляхой. Одна из посетительниц развеселила его кокетливой фразой, и он громко рассмеялся, запрокинув назад голову, но когда пошла вторая волна хохота, его руки непроизвольно потянулись к лицу, и ладони прикрыли рот. Женщина снова разговаривает с ним, задаёт ему вопрос, и он, задумываясь, неуклюжим жестом приподнимает солнечные очки и щурится. Обычно так делают люди с плохим зрением, чего у доноров

быть никак не должно.

– Обратите внимание, у артикула №4 есть гандикап, а именно особенная форма ключицы, – анатом с именем Элла на красном бейджике рассказывает потенциальным покупательницам про цэрпера, которого выдают за донора. – Гандикап – это важнейший признак протосамца, свидетельствующий о выносливости и адаптивности данной особи. – В инсталляции появляется ещё один молодой человек, которого я сразу идентифицирую как полноценного донора. – Когда ребята продемонстрируют нам взаимодействие, посмотрите на плечи и грудь артикула №4. Именно такие ключицы были у первых доноров для элиты. Они из поколения тех мужчин, которые занимались тяжёлыми работами при запуске интерференционного купола над Городом. Эти мужчины выдерживали огромные нагрузки, могли за счёт мышц своей спины вытянуть до полутонны. Выступающие кости ключицы и выемки над бицепсами являлись отличительным признаком высокоранговых самцов, и это было причиной агрессии со стороны бета-самцов, занятых в сфере интеллектуального труда. Цэрперы мужского пола, которых мы можем наблюдать сейчас в Городе, когда-то обладали большей властью и влиянием, и в борьбе за продолжение рода стремились уничтожить новую категорию соперников – обладателей указанной характеристики. Поэтому выжившие потомки с такой формой ключицы редки, и особенно ценны для нас с точки зрения полезного генетического материала.

– Ну, а ты что несёшь? – хмыкает Альбина. – Цэрпер, говорит.

– Ничего подобного не было. Особи второго пола перестали проявлять какое-либо соперничество ещё задолго до строительства купола, – я смотрю на Альбину, мои аргументы её раздражают. Я продолжаю, переведя взгляд на цэрпера: – Он не просто соблюдал все паттерны поведения среднестатистического цэрпера в течение долгого времени, – настаиваю я. – У него есть признаки, которые не позволяют мальчику при перераспределении попасть в класс доноров, и ещё... – я наклонилась к Альбине поближе и прошептала: – он не девственник.

– Как ты это поняла?!

– Зрачки, – поясняю я. – Я обратила на это внимание, когда одна из зрительниц подошла близко к ограждению и заговорила с ним. У неё была кофта с открытым декольте. И у него расширились зрачки. Раньше у мужчин был такой признак возбуждения. Это физиологическая реакция на обнажённое тело привлекательного с точки зрения сексуальности партнёра. Сейчас этот рефлекс атрофирован. Но проявляется, если хотя бы раз был коитус.

– Откуда ты знаешь?

– Читала про цэрпер второго пола, которые отъестествовали какую-нибудь цэрперку.

– Читала. Веришь всему, что пишут?

– Я читаю научные источники.

– Думаешь, академики не врут? – хмыкает Альбина. – Подтасовка данных – вот в чём суть гуманитарной науки.

Я пожимаю плечами:

– Будешь и дальше опровергать? В любом случае, я могу предположить, откуда он взялся: какая-нибудь аморальная цэрперка уломала его нарушить первую Статью ОП, они попались, её – на цокольный этаж, его – на перевоспитание и в доноры – ведь у нас проблемы с качественным ген. матом, так? Я предполагаю, что единственным его недостатком, из-за которого он не попал в доноры по распределению, было зрение. Говорят, скоро этот изъян перестанет считаться фатальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.